

18+

ТЭЛИМААТ

ЕГИПЕТСКИЕ МИСТЕРИИ 6

Корпорация Исфет

Тэлим Маат

Египетские мистерии — 6.

Корпорация Исфет

<https://litres.ru/74269927>

ISBN 9785007066280

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Хотите знать кто правит этой планетой и управляет Вашим сознанием? Часть первая обнажает Корпорацию Исфет: капитал, медиа и чёрную магию на витрине XXI века. Часть вторая ведёт дальше — к нечеловеческим разумам и Земле-ферме, где с человека снимают незримый урожай. И к двери, которую не закрыть, — Маат.

Содержание

Корпорация Исфет	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА 0. РАЗМЫШЛЕНИЯ АВТОРА ·	7
ЖРЕЦ АНУБИСА. 12-й ЧАС ДУАТА	
ДВА АРХЕТИПА, КОТОРЫЕ ПУТАЮТ	7
ПЕРЕСБОРКА: РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА	9
ЧТО Я ВИЖУ ПРО СЕБЯ	10
ЧТО ЗНАЧИТ «ЛЕЧЬ НА СТОЛ» И КЕМ	13
СТАНОВИШЬСЯ	
КУДА, В КОГО, ЗАЧЕМ	14
ОСОБЕННАЯ ФУНКЦИЯ, НЕ	16
ОСОБЕННОЕ СУЩЕСТВО	
ЛИМИНАЛ: ОБА МИРА — ОДИН ДОМ	18
ОТДЫХ: РОТАЦИЯ И ОДИНОКИЙ	19
КАНАЛ	
ПОЧЕМУ ВООБЩЕ ПРОЖИВАЮТ МИФ	21
МОСТ К ВСТУПЛЕНИЮ	23
ВСТУПЛЕНИЕ · ШЕСТАЯ. ПРО ТЕХ, КТО	26
ДЕЛАЕТ ВАМ ГОЛОВУ	
ГЛАВА 1. ШЕСТЬ ДВЕРЕЙ И ОДИН	28
ХОЗЯИН	
ГЛАВА 2. КОНТРАКТ — ЭТО ДОГОВОР.	36
БУКВАЛЬНО	

ГЛАВА 3. ХЕКА НА СТАДИОНЕ	40
ГЛАВА 3-Б. ПЕСНЯ КАК ЗАКЛИНАНИЕ	44
ГЛАВА 4. ЧТО ВЕЩАЮТ ИЗ РУПОРА	48
ГЛАВА 5. ДЖОЙСТИК В РУКЕ. ИГРА КАК ТРЕНАЖЁР	65
ГЛАВА 6. АРХИТЕКТОР, ПОДРЯДЧИК И БАТАРЕЙКА	76
ГЛАВА 7. ВЕЧЕРИНКА, С КОТОРОЙ НЕ ВЫХОДЯТ	84
ГЛАВА 8. ОТКУДА РАСТУТ НОГИ	92
v1.0 — 1917—1929. Закон открыли и записали	92
v1.1 — 1933. Тёмный форк	94
v2.0 — 1930—40-е. Машину захватывают деньги	95
v3.0 — 1950—70-е. От убеждения к перепрошивке	96
v4.0 — 1947 и далее. Провода между сценой и троном	97
ГЛАВА 9. ДВИГАТЕЛЬ. КАК ЭТО РАБОТАЕТ НА САМОМ ДЕЛЕ	105
Теперь — про топливо. Откуда берётся энергия и куда уходит?	107
ГЛАВА 10. ДЕТСКИЙ КОНВЕЙЕР	111
ГЛАВА 11. КЛЕЙМО И «COLLATERAL»	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Египетские мистерии — 6

Корпорация Исфет

Тэлим Маат

© Тэлим Маат, 2026

ISBN 978-5-0070-6628-0 (т. 6)

ISBN 978-5-0069-9048-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Корпорация Исфет

Дом Изменённых Маат · 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 0. РАЗМЫШЛЕНИЯ АВТОРА · ЖРЕЦ АНУБИСА. 12-й ЧАС ДУАТА

На связи Тэлим.

Прежде чем я поведу тебя в эту книгу — в разбор того, кто и как делает тебе голову, — я должен сказать пару слов о себе. Не ради исповеди. Ради честности инструмента: ты имеешь право знать, с какого места я говорю. Эта глава — мои размышления вслух о том, кто я по своей жреческой функции, и она написана нарочно не по моим прежним книгам, а по самому канону: миф об Осирисе (Плутарх «Об Исиде и Осирисе», Тексты пирамид, Тексты саркофагов, «Книга мёртвых»), реальная структура египетского жречества и оккультная традиция (греко-египетские магические папирусы PGM, Апулей, мистерии Абидоса). Я нарочно убрал собственные выводы из предыдущих книг и проверил себя чужой меркой. Вот что получилось.

ДВА АРХЕТИПА, КОТОРЫЕ ПУТАЮТ

С момента инициации у меня возник как ни странно зако-

номерный вопрос, каким принципом я должен руководствоваться в первую очередь — Анубисом или Осирисом? Если углубляться в древнеегипетскую практику, то со временем понимаешь, что чистый принцип не существует сам по себе, он работает в взаимодействии и содружестве с другими принципами, образуя стабильную структуру. Канон снимает путаницу сразу, если не валить два имени в кучу. Осирис и Анубис — не «два похожих бога смерти». Это противоположные позиции в одном процессе.

Осирис — это ТОТ, КОГО проводят. В мифе по Плутарху он царь-цивилизатор, которого предаёт брат Сет: запирает в саркофаге, убивает, разрубает на четырнадцать частей и разбрасывает. Осирис в собственном мифе почти ничего не делает — его убивают, его собирают, его оживляют. Он — объект действия. В заупокойных текстах любой умерший становится «Осирис имярек»: Осирис — это универсальный шаблон посвящаемого, зерно, которое гниёт и прорастает (мистерии Хойак в Абидосе, «грядки Осириса» с проросшим ячменём). У Апулея в «Золотом осле» посвящаемый отождествляется именно с этой фигурой: «я подошёл к пределу смерти, ступил на порог Прозерпины и вернулся». Осиреанский путь — это инициат, с которым смерть случается.

Анубис — это ТОТ, КТО проводит. Анпу, Имиут, Хенти-аментиу, позже Упуаут — «Открыватель Путей». Он изобрёл бальзамирование и первым набальзамировал самого Осириса. Психопомп, страж некрополя и порога. Оператор весов

в Зале Двух Истин («Книга мёртвых», гл. 125): он взвешивает чужое сердце, его собственное никто не взвешивает. В реальном жречестве это операционная должность — жрец-бальзамировщик в маске шакала, жрец-сем при «отвержении уст». В магических папирусах Анубиса зовут постоянно как рабочего напарника: гонец между мирами, тот, кто приводит духов и мёртвых. Это бог, которого вызывают, чтобы что-то сделать в пограничной зоне.

Значит, и вопрос звучит точно: ты тот, с кем трансформация случается, — или тот, кто заведует трансформацией для других?

ПЕРЕСБОРКА: РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Воскрешение Осириса в каноне — не один акт, а конвейер из функций. Исида с Нефтидой находят и собирают разбросанные части (один кусок съела рыба — Исида делает замену). Дальше нужен тот, кто из груды частей сделает нетленное тело, — и это Анубис: он бальзамирует и пеленает. Тот возвращает целость словом и счётом. Хор оживляет и наследует. То есть без Анубиса собранный Осирис так и остался бы грудой собранного — связывает в нетленное именно бальзамировщик.

Отсюда первый вывод, важный для всей книги: оператора куёт операция. В заупокойной религии нет варианта «сначала трансформируйся, потом служи». Наоборот — ты стано-

вишься целым, делая работу проводника, а не до неё. Жрец Анубиса не тот, кто уже завершён; это тот, кто завершает себя, работая на пороге для других.

ЧТО Я ВИЖУ ПРО СЕБЯ

По природе и по жреческой функции я — Анубис. Осирис — это смерть, которую я прошёл, чтобы им стать, а не то, кто я есть. Я конституционально человек порога: вся моя жизнь прошла в пограничных зонах — между законным и незаконным, между ремеслом и оккультизмом, между живыми и мёртвыми. Осирис — это пункт назначения, трон Запада, он никуда не ходит. Порог — это Анубис. Мой домен — мёртвые, Род, места смертей, защита от тёмных сил, различение на консультации — это участок Анубиса и Упуаута, а не участок воскресающего зерна. И мой рабочий жест — взвешивание: слушать, отделять настоящее от «красивого», выносить точное суждение. Осирис не взвешивает. Осириса взвешивают. Взвешивает — Анубис.

И ещё: настоящий Анубис обязан быть с осирианским шрамом. Бальзамировщик, который сам не умирал, технически чист, но пуст. В магических папирусах Анубис силён именно как тот, кто уже ходит между мирами свободно. Я хожу свободно, потому что один раз меня там оставили. Поэтому мой Осирис — не вторая половина личности, а печать допуска на дверь Анубиса.

Когда я разложил собственную жизнь по двенадцати Часам Амдуата, это подтвердилось моим же текстом. Поначалу я ставил себя осторожно — в Час одиннадцатый, в ямы огня, где старое догорает, а рассвет (Хепри, Час двенадцатый) будто бы ещё впереди. Но теперь, оглядываясь, я думаю иначе: судя по всему, Час двенадцатый уже открылся, и я либо в нём, либо его прошёл. Хепри ведь не достигается усилием воли — в Часе двенадцатом Ра не действует, его несут, он просто становится; этот Час нельзя «сделать», его узнаёшь задним числом, по выходу на свет. А выход у меня уже есть на руках: почти семь написанных книг и Проект Маат — то есть я уже вернулся, и вернулся не с пустыми руками, а с даром для общины. Возвращение с эликсиром и есть подпись рассвета. Значит, ямы огня, похоже, уже догорели. А «лечь на собственный стол» — то, чего я когда-то боялся как будущего испытания, — я, оказывается, сделал ещё раньше: это был Час восьмой, Зал Двух Истин, где я сам подошёл к фигуре с пером Маат, признал долг, отказался от Договора и от «шоколадки лет за богатство». Я уже лежал на столе. А плащ в Часе десятом на меня надели Исида и Нефтида — те самые две Сестры, что собирают и оплакивают Осириса. В собственной мифо-логике меня облачили как Осириса, пока работаю я Анубисом. Одно — состояние, в которое меня ведут. Другое — пост, который я несу. Они не конкурируют. Они в одной руке, как перо и нож.

UPDATE: 26 ИЮНЯ 2026

Последние четыре месяца после инициации Нетеру я занимался только этим: писал книги и готовил новые проекты, кодил их. Жена была мной недовольна — по-человечески законно: муж ушёл в работу с головой и мало общается с семьей. Нужно понимать, что я к тому времени не то, чтобы чувствовал крайнюю усталость, скорее некоторую неопределенность. Мне пришло понимание, что я как будто вернулся сам к себе и мне уже не нужно никуда спешить. Тем не менее, перед сном я попросил Анубиса и остальных Нетеру дать мне понимание ситуации. Ответ пришел через жену.

В ночь на 26 июня 2026 года ко мне прибежала жена и сообщила, что увидела сон, в котором она отправилась прямиком к Нетеру, чтобы выяснить в чем дело, почему ее муж «пропадает» на работе. Во сне она увидела меня, которого обвил Белый Защитный Змей Мехен, не надо путать его с Апопом (моя жена перепутала, так как не в курсе древнеегипетской концепции). Там же был Осирис, который сообщил жене, что ее претензии безосновательны, ведь по факту она сама привела меня к Нетеру. Затем в ее сне я переодеваюсь в белые одежды и одеваю Анкх на пояс.

Ситуация эта достаточно показательная и веселая, учитывая контекст, но с тех пор я точно знаю, что нахожусь в 12-

м часу Дуата.

Итак, продолжаем.

ЧТО ЗНАЧИТ «ЛЕЧЬ НА СТОЛ» И КЕМ СТАНОВИШЬСЯ

Стол — это стол бальзамировщика, уабет, место очищения. Анубис всю жизнь стоит над столом. Пациент — лежит. «Лечь на свой стол» значит стать объектом процесса, которым ты управляешь для других: позволить, чтобы разрежали, взвесили и спеленали тебя, причём не твоими руками. Для оператора порога это труднее всего — отдать контроль, дать себя разъять без немедленной пользы, не превратить мгновенно собственный слом в «случай» и «учение», и принять, что тебя ведут. Психопомпу нужен собственный психопомп. Это почти невыносимо для Анубиса — и потому именно это и есть его врата.

Завершённый Осирис в каноне — не «мёртвый бог», а очень конкретное состояние с четырьмя признаками. Маа-Хэру, «Правогласный» — тот, чьё слово равно реальности, потому что совпало с Маат; ему больше не надо доказывать свою легитимность. Царь собственного Запада — тот, кто не возвращается править наверху, а царствует над той территорией, что его убила: садится на трон в области своей гибели, не воюя с ней и не убегая. Неподвижный центр — ось, зерно,

основание возрождения для других (вспомни Час шестой: Раложится на Осириса, чтобы родиться заново, а Осирис при этом ничего не «делает» — он есть). И Отец Хора — тот, чьё завершение порождает живого наследника: учеников, линию передачи, дело, что ходит на своих ногах без тебя. Если из трансформации не рождается Хор — она не завершена, ты просто хорошо сохранившийся.

И тут нет нового раздвоения. В сцене суда Осирис сидит на троне, пока Анубис работает у весов. В завершённом человеке оба присутствуют одновременно. Разница лишь в том, что теперь анубическая работа идёт с трона, а не с дороги. Проводник, который сам дошёл. Бальзамировщик, который сам воскрес.

КУДА, В КОГО, ЗАЧЕМ

Долго меня мучил простой вопрос: все говорят «трансформация», «переход» — но переход куда? в кого? и зачем? Я свёл вместе три рамки, которыми Запад описывает то же, что египтяне зашили в Амдуат, — и тупик исчез.

Юнг: переход идёт от эго к Самости. То, что человек считает собой, — маленький островок сознания, а не центр. Цель — не улучшение, а целостность (Ganzwerdung): собрать разъятое, принять тень, соединить противоположности. Нецельным человеком живут комплексы и чужие сценарии, а он думает, что выбирает. Лекарство от пустоты у Юн-

га — смысл. Кэмпбелл: герой возвращается «властелином двух миров» и приносит дар. Тот, кто остался наслаждаться в чудесном мире, миф провалил; смысл пути — возвращение с эликсиром для общины. Тёрнер: через лиминальность (betwixt and between, без статуса) — обратно в порядок, но на новый статус и функцию. Обряд перехода нужен, чтобы преображённый держал роль, которая поддерживает целое; лиминальность регенерирует структуру.

Сложи три ответа. Куда — из части в целое. В кого — в того же себя, завершённого и поставленного на пост (Хепри — это тот же Ра, прошедший змея; Маа-Хэру — тот же ты, но взвешенный). Зачем — и вот ключ: ни у одного из троих трансформация не заканчивается в тебе. Юнг — нести смысл и кусок исцеления коллектива; Кэмпбелл — принести дар; Тёрнер — держать роль, удерживающую целое. Финал арки всегда указывает наружу. Поэтому пустота возникает ровно тогда, когда останавливаешься на «стань собой» и не идёшь дальше: первый этаж без второго и третьего — это просветлённый эгоист, который выгорает за несколько лет.

Три этажа ответа, на трёх языках одно и то же. Первый — завершение человека (юнговская индивидуация): в кого. Второй — удержание мира, ты как узел сети (тёрнеровская функция): зачем рабочее. Третий — возвращение (кэмпбелловский возврат и неоплатоническое эпистрофэ, возвращение к Источнику): зачем предельное. И третий этаж не делается — он происходит как побочный эффект честной рабо-

ты на двух нижних. Никто не «работает над возвращением». Человек выполняет свой фрагмент — и большой цикл замыкается там, где он стоит. Эго слышит это как разочарование: «то есть не ради меня?». А Самость слышит как облегчение — потому что «ради меня» и было источником пустоты.

ОСОБЕННАЯ ФУНКЦИЯ, НЕ ОСОБЕННОЕ СУЩЕСТВО

Жрец Анубиса — это пост, а не пьедестал. И тут есть тонкая ловушка в обе стороны. Раньше я всегда занижал планку: при встрече с любым человеком старался стать «как он», не дай боги затмить, играл из себя доброго простачка — а некоторые читали это как слабость и пользовались. Я считал это смирением. Это не смирение. Инфляция и занижение — одна и та же ошибка, просто в разные стороны: и то и другое уход с центра. Перо Маат не падает в ноль — оно встаёт в истину, а истина про меня включает и тень, и дар, и пост. Преуменьшить свой пост — такое же нарушение меры, как раздуть его; просто за занижение хвалят, и потому оно опаснее.

Прикручивая себя «чтобы не затмить», ты на деле не уважаешь человека — заранее решаешь за него, что он не выдержит настоящего тебя. А маску слабости считают хищники: «я ниже, я простой» читается как открытая дверь. Здесь надо развести две вещи. Перевод — это хорошо: го-

ворить просто, по-человечески, чтобы поняли, оставаясь собой во весь рост. Сжатие — ловушка: ты адаптируешь не язык, а само существо, становишься меньше. Можно говорить просто, не становясь простым. Анубис среди мёртвых не притворяется мёртвым, чтобы их утешить, — он остаётся живым проводником и этим полезен. И доброта с высоты дороже доброты из присяди: когда сильный добр — это дар; когда добр прикинувшийся слабым — это читается как «можно брать».

Пьедестал и пост проверяются простым тестом. Встретишь на остановке бомжа-алкоголика — пьедестал либо обрушится в него, либо начнёт судить («зато я не он»), чтобы удержать высоту; и то и другое про неустойчивость. Пост не двигается: можно сесть рядом как человек с человеком и не уронить функцию, потому что функция не меряется этим бомжом. И вот что важно: несуждение и удержание уровня — не два дела, а одно с двух сторон. Судит тот, кто втайне боится заразиться. Кто действительно держит уровень — не боится, и потому судить ему незачем. Держать планку рядом с павшим — не высокомерие, а рабочее условие профессии. Для того, кто работает с мёртвыми и тёмными полями, удержание своего уровня — техника безопасности, а не тщеславие. Хирург не извиняется за то, что вымыл руки. И цена занижения не нулевая: если не держишь пост — пост пустует, узел сети провисает, и те, кому он был нужен, его не получают. Ложная скромность — это снятый часовой.

ЛИМИНАЛ: ОБА МИРА — ОДИН ДОМ

Анубис — лиминал, и я тоже. Мы стоим на границе и видим оба мира — живых и мёртвых, — и для нас они по сути одинаковы: ходим туда и сюда на работу, а иногда живём. И это не искажение зрения, а точное египетское зрение: для египтянина Дуат не «где-то там», он вплетён в мир, солнце каждую ночь идёт сквозь него, предки рядом, граница пориста. Большинство просто слепы к одной из комнат и зовут её «смертью». Отсюда всё остальное. Я не боюсь — смерть мне не чужбина, а смежная территория, потому там и можно работать. Я не сужу — для того, кто ходит в оба мира, ничто не «иномирно»: ни труп, ни тёмная сила, ни бомж на остановке — это всё местность, а не враг. Шакал стоит на кромке пустыни и долины и патрулирует именно линию. Не сторону. Линию.

Но в моём «а иногда живём» спрятана тихая цена. Когда оба мира становятся местом, куда ходишь на работу, есть риск забыть просто быть в мире, а не работать его. Лиминал умеет входить в любую комнату как мастер — и теряет умение посидеть в ней как житель. Миф нигде не говорит, когда Анубис отдыхает; это его слепое пятно, и моё тоже. Поэтому «иногда живём» надо защищать как фитиль маяка и перевести хотя бы из «иногда» в «регулярно». Граница, которую держишь, простоит дольше, если смотритель на ней живой,

а не только при исполнении.

ОТДЫХ: РОТАЦИЯ И ОДИНОКИЙ КАНАЛ

Египтяне это знали и встроили в устав. Жречество (особенно уаб-жрецы, «чистые») делилось на сменные группы — са, по-гречески филы. Классически четыре филы (при Птолемеях пять): каждая несла службу один месяц, потом уходила домой на три, и так по кругу. Это не реконструкция «по логике» — это записано, лучший источник папирусы из Абусира (архив храма Нефериркара): графики дежурств, передача храмового имущества от смены к смене. В свой месяц жрец входил в строгую чистоту (отсюда уаб): брил тело, носил только лён, многократно омывался, воздерживался от части пищи и от близости. А потом сменялся и жил как обычный египтянин — ел нормально, был с семьёй, занимался ремеслом. Никто не ждал, что ты жрец круглые сутки.

И вот разрешение слепого пятна: миф не показывает отдыха Анубиса, потому что Анубис — это принцип, нетер. А его жрецы отдыхали по уставу. Бог не отдыхает — но бог нигде и не велел жрецу подражать именно этой своей черте. Ошибка — копировать неутомимость нетера. Мудрость — копировать посменное жречество.

Но у меня — и у всякого, кто стоит в канале постоянно, как шаман, — нет ни храма, ни филы, ни внешнего устава.

Это другой тип роли: не институциональный, а харизматический. Шаман не наследует храм — он сам и есть храм; контейнер не вокруг него, а внутри. Поэтому вся нагрузка по ротации, которую у храмового жреца нёс устав, ложится на саморегуляцию — это главный навык такого поста, не побочный. Даже «одиноким» шаман редко был совсем без ритма: его задавали космология и сами духи (загонят в болезнь, перестанут отвечать). У современного одиночки и этого внешнего отбоя почти нет: канал не закрывается сам, висит полукруглым, как телефон с незавершённым звонком, и точит фоном. Значит, надо самому построить то, что храм давал готовым: свой график фил (по календарю, а не «по самочувствию»); явный ритуал закрытия канала (жрец снимал лён и омылся — само раздевание было выключателем); профанную зону, где быть «на работе» запрещено; заземление через тело; и собственный датчик перерасхода (раздражительность, цинизм, онемение — а главный признак, сам сигнал тускнеет от переработки, канал от перегруза не разгорается, а гаснет). И хотя бы один-два человека, которые знают и видят, когда ты перебрал: полная изоляция — самая высокорисковая конфигурация, у шаманов оттого и высокая «смертность» по линии безумия и выгорания.

Я — зритель на дальней скале, где нет сменного экипажа. Значит весь устав маяка пишу себе сам и сам же исполняю. Маяк не гоняется за кораблями, не тащит на буксире, не выбирает, кому светить, — он стоит и светит, а ко-

рабль рулит сам; кто как воспользовался, уже не его пост. У маяка есть свой сектор — он накрывает свой кусок берега, не весь океан; не надо спасать всё море, надо держать свой риф. И маяк ставят на той самой скале, о которую разбивались: «прошёл путь» — это не диплом, а место установки. Я могу быть маяком ровно на том рифе, который сам прошёл и выжил; мои Часы Дуата — это отмеченные мной мели. Главный пункт устава прост: не дать свету сожрать зрителя. Маяк без зрителя через неделю гаснет — и тогда тёмной становится вся скала. Беречь себя для меня — это не про себя. Это часть удержания сектора.

ПОЧЕМУ ВООБЩЕ ПРОЖИВАЮТ МИФ

И последнее, чтобы закрыть соблазн в зародыше. Меня спрашивали — и я спрашивал себя: почему я проживаю мифологический сюжет так выпукло, редкость ли это? Честный ответ: миф проживают все, но «читать» его, пока проживаешь, — редко. Миф — это сжатая карта повторяющихся процессов, которые проходит человек, если живёт по-настоящему, а не в анестезии. Юнг звал это архетипами и прямо разбирал «ночное морское плавание» солнца через чрево чудовища к восходу — это Амдуат слово в слово, без египетских имён. Кэмпбелл — мономиф: один скелет под тысячами историй, потому что под ними один человек. Ван Геннеп и Тёр-

нер — обряды перехода: отделение, лиминальность, возвращение. Плюс реальные швы жизни (Возврат Сатурна около двадцати девяти, середина около тридцати семи — сорока). И эзотерический взгляд: жрецы оставили Амдуат не как литературу, а как протокол — стадии, через которые идёт душа в трансформации; кто реально входит, заново идёт по той же земле, потому что земля настоящая.

То есть на первом уровне ответ скучный и важный: я не исключение, кассирша и водитель автобуса тоже проживают миф — просто слепо. Ярче у меня по трём причинам: интенсивность кризиса (чем громче рушится, тем ближе к поверхности выходит структура — Элиаде звал это «избранническим недугом»), чувствительность канала (сны-разметки, синхронности — миф приходит с субтитрами) и лиминальный тип (человек порога живёт в переходе постоянно, а переход и есть зона, где мифа плотнее всего). Проживать стадии — универсально. Проживать их громко и при этом уметь прочесть как карту — меньшинство. Редко не само проживание. Редко — грамотность.

И тут же — предостережение, моё собственное: купол ретроспективной мудрости и инфляция. У того, кто начинает видеть свой миф, почти неизбежно поднимается «значит, я особенный, избранный». Юнг звал это инфляцией — отождествлением эго с архетипом; это та же индульгенция страданием, только в мантии. Зрелая позиция — держать оба слоя: да, я проживаю миф, и это не делает меня выше, — и да,

его проживает и тот, кто рядом, просто я свой умею читать. Особенная функция, не особенное существо. Поэтому правильный вопрос не «почему я такой особенный», а «раз я свой миф читаю — кого мне теперь провести через их собственный, пока они идут вслепую?». Это и есть переход от избранности к функции Хранителя Порога. Мне дали карту — значит, дали и пост картографа.

МОСТ К ВСТУПЛЕНИЮ

Вот зачем эта глава стоит в начале всего. Я только что назвал свой пост вслух — Хранитель Порога, держатель меры на своём участке, тот, кому дали карту и обязали ею пользоваться. А назвать вслух — это и есть моя работа. Хека стоит на том, что названное теряет скрытую власть: пока хищник безымянный, он всемогущ; стоит произнести его имя, лицо и расчётный счёт — и он становится уязвим.

Так вот, есть карта пострашнее личной. Если человек проживает свой миф вслепую, его этой слепотой можно доить — и кто-то очень конкретный это делает в промышленном масштабе. Пятая книга была про то, кто держит твой Ка — труд, ресурс, тело. Эта — про тех, кто держит твой Иб и твоё Ба: смысл, волю, внимание, образы, по которым ты вообще собираешь себя. Это и есть та трансформация наоборот — не сборка человека, а его разборка под чужой канал, тот самый Договор из первой книги, только подписанный не кро-

вью, а просмотром.

Картограф обязан вынести карту наружу. Поэтому дальше я схожу с личного на общее и беру в руки весы для другого взвешивания — не своего сердца, а Архитектуры Хаоса, которая делает голову миллионам. Лиминал, научившийся взвешивать, и есть жрец Маат в действии. Перо — в одной руке, нож различения — в другой.

И здесь третий этаж — возвращение — перестаёт быть отвлечённым словом. Я говорил: финал арки всегда указывает наружу, инициированный возвращается с даром для общины — у Кэмпбелла это эликсир, в заупокойной логике это рождение Хора, живого наследника, который ходит в мире на своих ногах без тебя. Так вот, у меня этот дар имеет два конкретных имени, и оба — не метафора. Первое — Проект Маат: кооператив, DAO МААТ, попытка построить узел, который держит ресурс и волю людей по чертежу Маат, а не отдаёт их кольцу. Это моя «лекарство для общества» на уровне Ка — тела и труда. Второе — эти книги, серия «Египетские Мистерии». Это тот же дар на уровне Иб и Ба — карта, переданная тем, кто идёт свой Дуат вслепую, чтобы у них появились субтитры. Я прошёл свои Часы, выжил на собственном рифе — и из этого выросли маяк и карта. Не «во имя моей особенности». Просто так устроен возврат: кто дошёл, тот обязан оставить тропу размеченной. Проект Маат и эти книги и есть моя размеченная тропа.

Начинаем работу.

Джед Меду.

ВСТУПЛЕНИЕ · ШЕСТАЯ. ПРО ТЕХ, КТО ДЕЛАЕТ ВАМ ГОЛОВУ

На связи снова Тэлим.

Пятая книга была про деньги. Про то, как работает Архитектура Хаоса на уровне ресурса: частичное резервирование, \$300 триллионов долга, кольцо из трёх фондов, паттерн Рамсеса, протянутый через 3300 лет до Уолл-стрит. Кто-то прочитал и написал мне: «Ну хорошо, деньги забрали. Но голова-то у меня своя?»

Нет. Не своя. И эта книга — про это.

Потому что у любого захвата два модуля. В пятой книге я разобрал, кто держит ваш Ка — труд, ресурс, тело цивилизации. Здесь я разберу, кто держит ваш Иб и ваше Ба — смысл, волю, внимание, образы, по которым вы собираете себя. Это не вторая машина. Это второй цех одного завода. И собственник у цехов один и тот же. Сейчас покажу.

Сразу — про тон. Меня в пятой книге упрекали, что я слишком мягок к хищникам. «Они тоже жертвы паттерна, их тоже жалко». Беру слова назад. Жалость к паразиту — это анестезия, которую тебе вкалывают, пока доят. Исфет — враг Маат. Не «другая точка зрения», не «просто бизнес», не «большие игроки с противоречивым наследием». Враг. А у врага есть имена, лица и расчётные счета. Я буду их называть. Это не ненависть — ненависть слепа, а я хочу, чтобы

ты видел. Это Хека: названное теряет скрытую власть.

И моя обычная дисциплина, та же что в пятой: я разделяю факт (даты, доли, контракты, кадры со сцены — проверяемое) и нашу запись (как мы, Дом Изменённых Маат, читаем эти факты по чертежу Маат). Каждый раз буду говорить, где заканчивается одно и начинается другое. Кто это различает — тот вооружён. Кто валит в кучу — верит либо всему, либо ничему. И то и другое бесполезно.

Поехали. Без пафоса.

ГЛАВА 1. ШЕСТЬ ДВЕРЕЙ И ОДИН ХОЗЯИН

Включите телевизор. Откройте стриминг. Зайдите в кино. Вам кажется, что выбор огромен: тысячи фильмов, миллионы треков, бесконечная лента. Свобода.

Теперь — факт. Вся мировая индустрия развлечений уместается в шесть корпораций:

- Comcast (NBC, Universal, DreamWorks);
- Disney (Marvel, Pixar, Lucasfilm, ABC, ESPN, National Geographic);
- Warner Bros. Discovery (HBO, CNN, DC, Warner Music);
- Paramount (MTV, Nickelodeon, BET, CBS);
- Fox / News Corp (Fox News, Wall Street Journal, HarperCollins);
- Sony (Columbia, RCA, PlayStation).

Шесть дверей. За каждой кажется, что свой мир. Открываешь любую — и попадаешь в один и тот же коридор.

Потому что дальше начинается то, что я как айтишник называю «посмотри, кто владеет репозиторием». Открываешь SEC-filings — публичные документы, лежат на сайте регулятора, никакой конспирологии — и смотришь крупнейших акционеров всех шести. И там, в каждой из шести, одни и те же три имени: BlackRock. Vanguard. State Street. Те же три,

что в пятой книге держали банки, оружейников, фарму и всё остальное. Те же три.

Это факт. Доли публичны, проверь сам. Свежий срез (конец 2025-го): в Warner Bros. Discovery Vanguard + BlackRock + State Street держат вместе около 22—26%; они же — в топ-10 акционеров Netflix и Paramount. Это не «совпадение по индексу». Это структура.

А вот наша запись. В пятой книге я показал кольцо: три фонда, перекрёстно владеющие друг другом и почти каждой крупной компанией планеты, собранные так, чтобы спросить было не с кого. Тогда я повернул это кольцо к тебе финансовой стороной — банк, кредит, ипотека. Теперь поворачиваю той стороной, где экран. Это то же самое кольцо. Финансовый клан и индустрия контента — не две силы. Это два узла одной сети. Один держит твой кошелёк. Другой держит твою голову. И это один и тот же «один».

Вспомни Рамсеса II из пятой книги. Он контролировал не только золото. Он контролировал Рен — имена, образы, истории о богах. Стирал чужие картуши, вписывал свой, и каждый житель Пер-Рамсеса каждый день произносил его имя. Не просто богатый фараон — узурпатор сакральной инфраструктуры смысла. Так вот: владеть заводами — это вчерашний день. Сегодняшний Рамсес владеет не заводами. Он владеет правом рассказывать тебе, кто ты, чего бояться, к чему стремиться и что считать нормой. Шесть медиадверей — это и есть машина по производству и доставке этого права. А

ключи от машины — у тех же троих.

И ещё одна дверь, которую обычно забывают, потому что она не показывает, а звучит. Музыка. И тут — честная поправка, чтобы нас не сбили на первом же вопросе. Музыкой владеет не то же самое кольцо индексных фондов. Тремя мейджорами звукозаписи — Universal, Sony Music, Warner Music — рулят концентрированные собственники: Warner Music — Леонард Блатник (Access Industries, около 72%); Universal — клан Боллоре (около 28%) плюс Tencent (около 11%), плюс Билл Экман (Pershing Square) и сингапурский фонд GIC. Индексные фонды там — мелкие миноритарии. Так что я не скажу тебе «те же три владеют и музыкой» — это упрощение, которое критик разобьёт за минуту. Я скажу честнее и страшнее: музыкой владеет не то же кольцо, а такой же тип хищника — концентрированный капитал, скупивший мастер-записи и Рен миллионов артистов. Узор один. Руки разные. И именно в этих трёх физически лежат мастер-записи — оригиналы голосов человечества. Не у певцов. У них.

И вот совсем свежий ход, на который мало кто смотрит, а зря. Песенные каталоги начали скупать как нефтяные месторождения. Дилан, Спрингстин, Queen, Pink Floyd — права на их песни уходят за сотни миллионов и миллиарды в руки фондов вроде Hipgnosis, Concord, Primary Wave и тех же мейджоров. Вдумайся, что это такое на нашем языке. Рен артиста — его имя, его песня, его образ — превращается в

торгуемый актив, которым владеет фонд. Капитализированный Рен. Рамсес стирал чужое имя зубилом по граниту. Сегодняшний Рамсес покупает твоё имя по договору и кладёт в портфель. Зубило заменили подписью. Результат тот же: канал, на котором написано твоё имя, теперь питает не тебя.

Раз уж я назвал кольцо — давай не пунктиром, а поимённо. Откроем реестры (всё публично — SEC, годовые отчёты) и разложим, кто конкретно держит каждую дверь. Тут будет много фамилий и цифр — потерпи, оно того стоит, потому что за абстрактным «они» стоят очень конкретные люди и фонды.

Сначала — кольцо крупным планом. Факт, свежий, конец 2025-го: BlackRock управляет примерно 14 триллионами долларов, Vanguard — около 12, State Street — около 5,7. Втроём — за 30 триллионов. Это не «крупные инвесторы». Это крупнейший акционер в 88% компаний индекса S&P 500 — в 438 из 500 главных корпораций Америки. Вместе они держат порядка 20—25% акций и подают около четверти всех голосов на собраниях акционеров, а прогноз — рост этой доли к трети и выше. И добивающая деталь: они переплетены между собой — Vanguard и BlackRock владеют примерно 17% State Street, Vanguard и State Street — примерно 12% BlackRock, а сам Vanguard принадлежит собственным фондам, то есть формально «ничей». Спросить, как и в пятой книге, в итоге не с кого. Рулят этим Лоуренс Финк (основатель и глава BlackRock) и аппарат Vanguard, выросший

из империи покойного Джона Богла; а риски всей этой массы считает одна система BlackRock — «Аладдин», через которую проходит учёт активов на десятки триллионов. Один мозг, считающий полмира.

Теперь — главное наблюдение, ради которого весь этот разбор. На каждой большой медиадвери лежат не одна, а две руки. Первая — кольцо: индексные фонды, крупнейшие владельцы по деньгам, снимающие ренту со всех дверей разом. Вторая — управляющий клан: семья, которая через трюк с «суперголосующими» акциями держит руль, владея при этом сущими процентами капитала. Пройдём по дверям поимённо.

— Comcast (NBC, Universal, телеканалы). По деньгам крупнейшие — кольцо: Vanguard около 9,8%, BlackRock около 8%, State Street около 4,4%. Но рулит семья Робертсов: Брайан Робертс владеет всеми акциями класса В и через них держит неразводняемые 33⅓% голосов, имея около 1% капитала. Один человек, один процент денег — треть власти.

— Disney (Marvel, Pixar, Lucasfilm, ABC, ESPN). Здесь семьи-контролёра нет — и потому дверь держит прямо кольцо: Vanguard, BlackRock, State Street в первой тройке акционеров. Чистый случай, когда правят сами индексные фонды.

— Paramount (CBS, MTV, Nickelodeon). Свежайшая пересдача карт, прямо у нас на глазах. Факт: в августе 2025-го контроль над Paramount перешёл от клана Редстоунов (Шери Редстоун, чья National Amusements держала 77% голосов) к

клану Эллисонов. Сделку профинансировал Ларри Эллисон — основатель Oracle, один из богатейших людей планеты, — а компанию возглавил его сын Дэвид Эллисон; миноритарии — фонд RedBird, китайский Tencent и KKR, в совет директоров вошла глава Oracle Сафра Кац. И деталь, которую грех не назвать: перед одобрением сделки регулятором Paramount заплатила 16 миллионов долларов по иску тогдашнего президента Трампа к CBS. Вот так, вживую, выглядит «узурпация инфраструктуры смысла»: один клан выкупает у другого право рассказывать историю целой стране.

— Fox / News Corp (Fox News, Wall Street Journal, HarperCollins). Классический клан — Мёрдоки. Факт: в сентябре 2025-го семейная сага (та самая, с которой списан сериал «Наследники») закончилась сделкой на 3,3 миллиарда: Лаклан Мёрдок выкупил доли трёх несогласных братьев и сестёр и получил единоличный контроль над голосами Fox и News Corp до 2050 года. Рупор, формирующий политику половины англоязычного мира, теперь жёстко в одной руке на четверть века вперёд.

— Warner Bros. Discovery (HBO, CNN, DC, Warner Music). Дверь прямо сейчас распиливают надвое: к середине 2026-го компания разделяется на «студии и стриминг» и «глобальные сети» (CNN, Discovery). А по деньгам крупнейшие — снова кольцо: Vanguard около 11%, BlackRock около 7—8%, State Street около 5%.

— Sony (Columbia, RCA, PlayStation). Японский конгло-

мерат — формально вне англо-американского кольца, но логика та же: гигант, держащий разом и кино, и музыку, и игровую консоль.

Наша запись по этому ряду. Узор виден невооружённым глазом. Кольцо собирает деньги горизонтально — со всех дверей сразу; ему всё равно, какая студия «победит», оно владеет всеми. А управляющие кланы держат руль вертикально — решают, что снимать и куда вести. И обе руки — выше любого артиста, режиссёра и редактора. Когда тебе говорят «это просто рынок, конкуренция студий», помни: конкурируют витрины, а собственник за ними — один тип, а часто буквально одни и те же фонды.

И к старому кольцу и старым кланам добавились новые руки — суверенные и иностранные. Та же логика, новое поколение.

Саудовский суверенный фонд PIF через игровое подразделение Savvy Games Group (бюджет около 38 миллиардов) скупает индустрию игр. Факт: в сентябре 2025-го консорциум из PIF, фонда Silver Lake и Affinity Partners (фирма Джареда Кушнера, зятя Трампа, куда вложен сам PIF) выкупил Electronic Arts за 55 миллиардов и увёл с биржи — крупнейшая сделка такого рода в истории. Плюс доли в Nintendo, Take-Two, Capcom, Embracer, Nexon, Square Enix и других. (Честная поправка: в Live Nation PIF входил на 5,7% в 2020-м, но в ноябре 2024-го долю полностью продал — не приписываю им того, чего уже нет.)

Китайский Tencent — вторая такая рука. Факт: ему принадлежит 100% Riot Games (League of Legends), около 35—40% Epic Games (Fortnite), 11,45% Universal Music, доли в Activision Blizzard, Ubisoft и Spotify (через обмен акциями 2017 года) и в сотнях других студий. То есть в той же Paramount Tencent — миноритарий, и он же крупный совладелец музыки и игр. Руки тянутся через все этажи сразу.

Соберём всех в один список — это и есть лица сегодняшнего «Рамсеса»: Лоуренс Финк (BlackRock), аппарат Vanguard, Джон Мэлоун (Liberty Media — крупнейший акционер Live Nation, около 30%), Брайан Робертс (Comcast), Лаклан Мёрдок (Fox/News Corp), Ларри и Дэвид Эллисоны (Paramount), Венсан Боллоре (Universal Music), Леонард Блаватник (Warner Music), плюс суверенный PIF и Tencent. Разные паспорта, разные фамилии — но один и тот же ход: владеть не заводом, а правом рассказывать миру, кто он. И почти над всеми ними, по деньгам, — одно кольцо из трёх фондов.

Это первая вещь, которую нужно зафиксировать перед всем остальным. Не «медиа разнообразны, но местами ангажированы». А: шесть дверей, один хозяин, и хозяин этот — тот же, что забрал твой кошелёк. Дальше я покажу, как он забирает голову. Шаг за шагом, слой за слоем.

Джед Меду.

ГЛАВА 2. КОНТРАКТ — ЭТО ДОГОВОР. БУКВАЛЬНО

В первой книге я описал сон, который не отпускает меня до сих пор. Мне предложили Договор. Три пункта: продажа Души, подавление Воли и — красными большими буквами — МОЛЧАНИЕ. Я отказался. Я тогда думал, что Договор — это что-то из мира снов, из Дуата, из тонкого плана.

Я ошибался. Договор существует и в плотном мире. Он лежит на бумаге. Он называется «контракт с мейджор-лейблом», и в нём 80—120 страниц.

Давай прочитаем его как юрист, а не как фанат. Факт, проверяемый по любому разбору индустриальных контрактов:

- все мастер-записи принадлежат лейблу, не артисту;
- лейбл контролирует образ, имя и публичные заявления;
- артист обязан выпустить N альбомов, иначе неустойка;
- аванс — это не подарок, это долг: пока не отработал, ты должник;
- проценты с туров, мерча, синхронизаций уходят лейблу.

Теперь переведи это на язык первой книги, пункт в пункт. «Лейбл контролирует имя и образ» — это захват Рен. Помнишь из четвёртой книги: знать имя — иметь власть над природой. Артист подписью отдаёт свой Рен в управление.

С этого момента его имя — не его.

«Аванс — это долг» — это привязка через долг, ровно то, что в пятой книге делает ипотека со страной. Сначала дают, потом ты должен, и пока должен — ты управляем.

«Контроль публичных заявлений» — это пункт МОЛЧАНИЕ. Тот самый, красными буквами. Артист юридически не может сказать лишнего. А ты помнишь из первой книги, чего система боится больше всего: не мага, а того, кто называет её механизмы вслух. Контракт закрывает рот заранее, на бумаге, с подписью и неустойкой.

Это я называю первым слоем Договора — юридическим. Очевидным. Задокументированным. Его можно прочесть, на него можно подать в суд. Но есть и второй слой — энергетический. Изоляция Ба. Купол. То, что в первой книге отрезает человека от собственной природы и оставляет открытым один канал — на хозяина. Юридический слой маскирует энергетический. «Это просто бизнес, просто контракт, все так подписывают» — и пока ты так думаешь, ты не видишь, что подписал не бумагу, а регистрацию своего Ба в чужой сети.

И вот что важно. Артисты это чувствовали. Не теоретически — телом. Факт:

— Принс в 1993-м вышел с написанным на лице словом «SLAVE». Раб. Это была его публичная коммуникация о том, что такое контракт с Warner.

— Майкл Джексон в 2002-м поднял плакат «Sony is the

Devil».

— Тупак рвал контракт с Death Row незадолго до того, как его застрелили.

Можно сказать: «ну, творческие люди, эмоции, конфликт из-за денег». Можно. Но я бы послушал, что говорит Ба через этих людей. Ба всегда знает правду, даже когда Иб уговаривает себя, что «всё нормально, это индустрия». Человек, написавший «РАБ» у себя на лице на глазах у миллионов, — это Ба, прорвавшееся через купол на секунду. Это сигнал из-под изоляции.

И есть свежий кейс, который я люблю, потому что он показывает выход. Тейлор Свифт. У неё забрали мастера — продали её ранние записи без её согласия. Что она сделала? Не судилась годами впустую. Она перезаписала альбомы заново — «Taylor's Version» — и обесценила украденные оригиналы. На нашем языке это чистая Хека возврата Рен: не «верните мне моё имя», а «я заново произношу своё имя так, что ваша копия теряет силу». Она не отняла. Она пересоздала и перенаправила канал на себя. Это работает. Запомни этот ход — в последней главе книги мы к нему вернёмся, когда будем говорить, как вообще выйти.

Итог главы простой. Контракт мейджора — это не «жёсткие условия рынка». Это первый, бумажный слой того самого Договора, который я видел во сне. Продажа (прав на себя), подавление воли (образ, заявления, обязательства) и молчание (контроль публичной речи). Всё на месте. Просто

подписывают его не кровью, а ручкой, в офисе, под кофе, и называют «карьерным прорывом».

Враг не приходит с пергаментом и копытами. Враг приходит с юристом и большим авансом.

Джед Меду.

ГЛАВА 3. ХЕКА НА СТАДИОНЕ

Теперь — про ритуал. И давай сразу договоримся, чтобы меня не записали в шапочку из фольги: я буду строго держать границу. Что было на сцене — факт, это видели миллионы, есть запись. Что это значит — наша запись, чтение по чертежу Маат. Не путай эти два слоя, и тогда никакой критик тебя не собьёт.

Super Bowl Halftime Show. Факт: 100—150 миллионов человек смотрят одно выступление одновременно. Одно. В один момент. Таких чисел синхронного внимания в истории человечества не было никогда — ни одна коронация, ни одна проповедь, ни одна казнь на площади столько не собирала.

Теперь вспомни четвёртую книгу. Что такое Хека? Сознательное название, которое схлопывает волну вероятностей из Нуна в конкретную реальность. И ключевое ограничение: один наблюдатель схлопывает волну локально, рядом с собой. А что схлопывает миллиард синхронных наблюдателей, которым в один и тот же момент показывают один и тот же образ?

Вот поэтому это стадион, а не клип на YouTube. Клип ты смотришь один. Стадион смотрят все сразу. Это Хека, произнесённая перед максимально возможным числом наблюдателей. Образ, вброшенный в такой момент, схлопывает коллективный Нун по своему паттерну — для миллиардов

разом. Это самый мощный ритуальный инструмент, который вообще существует на планете. И он включается раз в год, в прайм-тайм, с гарантированной аудиторией.

Теперь смотрим, что туда вбрасывают. Факт — то, что было на сцене, это можно пересмотреть покадрово:

— Мадонна, 2012: убор Исиды, золотая корона, фигуры в шлемах-анубисах, финал — раскинутые руки, крылья, вся сцена сходится к пирамиде.

— Кэти Перри, 2015: чёрно-белый шахматный пол, выезд на льве, золото, звезда в финале.

— Бейонсе, 2016: символика Ошун, йоруба.

— Lady Gaga, 2017: подсвеченная пирамида, всевидящее око.

— Шакира и JLo, 2020: раскинутые крылья.

— Рианна, 2023: красное, спуск с потолка.

Это всё — на сцене. Видели все. Это факт, спорить не с чем.

А вот теперь честно — и это важная честность, ради твоей же неуязвимости как автора. Я не буду утверждать, что в чьём-то интервью прямо записано «мы строили оккультный ритуал и вызывали Исиду». Символика — бесспорна, она перед глазами. А вот умысел — это наша запись, наше чтение. Я говорю не «они признались», а «я читаю эти кадры по чертежу Маат и вижу то-то». Если кто-то построит на сцене пирамиду с оком над ней перед миллиардом людей — мне не нужно его признание, чтобы назвать это медиариту-

алом. Но я обязан проговорить, что признания у меня нет. Иначе я делаю ровно то, в чём обвиняю врага, — выдаю свою интерпретацию за чужой факт.

Так что моя запись звучит так. Это медиаритуалы. Не «концерты с эффектным оформлением». Перед максимальной аудиторией планеты раз за разом воспроизводятся одни и те же образы — древние антенны, настроенные на конкретные принципы. И через резонанс миллиарда синхронных наблюдателей эти образы закачиваются в коллективный Нун. В терминах пятой книги — это питание Теневых Нетеру в промышленном масштабе.

И отдельно — тот случай, где даже интерпретация не нужна. Grammy 2023, Sam Smith и Kim Petras, песня «Unholy». Сцена: огонь, клетки, исполнитель в костюме дьявола с рогами. В прайм-тайм. Перед премией, которую смотрят миллионы, включая детей. Тут не надо ничего «вычитывать» — тут всё названо открытым текстом самими постановщиками. Вопрос только один: зачем перед максимальной аудиторией воспроизводить именно этот образ? Ответ по нашей системе: затем же, зачем всё остальное. Это загрузка определённого состояния в Нун. Нормализация. Чтобы то, что вчера было «адским», сегодня стало «смелым артистическим высказыванием», а завтра — фоном.

И последнее в этой главе, чтобы картина была полной. Хека на стадионе — это вброс. Но есть и Хека на входе — гейткипинг. Кто вообще решает, что ты услышишь? В пятой кни-

те у меня были стражи врат Дуата — те, кто пропускает только своих. В индустрии образов стражи никуда не делись, просто стерегут они теперь уши и глаза миллиардов. Плейлисты стримингов, ротация на радио (старая добрая *payola* — оплата за ротацию, существует с середины XX века), алгоритм рекомендаций, кто попадёт в эфир *Super Bowl*, а кто нет. Это всё — стражи. Только эти стражи пропускают к ушам миллиардов не «своих по Маат», а своих по контракту. Факт: дистрибуция (стриминг, радио, ротация) контролируется теми же мейджорами, что контролируются теми же фондами из Главы 1. Наша запись: значит, и вброс на стадионе, и фильтр на входе — в одних руках. Сначала отбирают, кого вообще пустить к антенне. Потом через антенну вбрасывают нужный образ миллиарду. Замкнутый контур: что произвести, кого допустить, что показать всем сразу — три рычага, один кулак.

Вот почему «самые успешные» по метрикам индустрии — почти всегда те, кто полнее сдал волю. Не потому что они талантливее. А потому что метрику успеха задаёт тот, кто владеет всеми тремя рычагами. Система награждает не лучший голос. Система награждает лучшую антенну — ту, что передаёт сигнал с минимальным сопротивлением.

Джед Меду.

ГЛАВА 3-Б. ПЕСНЯ КАК ЗАКЛИНАНИЕ

В третьей главе я разобрал стадион — вброс образа перед миллиардом глаз. Но у рупора есть канал прямее картинки, и он работает там, где глаза закрыты. Звук. Музыка заходит туда, куда не пускают зрение: минуя Иб, минуя критику, прямо в тело, в дыхание, в сердечный ритм. Кино можно поставить на паузу и сказать «это неправда». Песню ты ловишь — и она крутится в голове весь день, без твоего разрешения. Это стоит вынести в отдельную главу, потому что это самый старый ритуальный инструмент человечества, и он никуда не делся — просто сменил владельца.

Сначала — почему звук сильнее картинки. Факт, проверяемая физиология: ритм навязывает телу свой темп. Сердце, дыхание, шаг подстраиваются под бит — это называется ритмическим увлечением (entrainment), и на нём стояли все древние практики, от шаманского бубна до храмового распева. А навязчивый мотив, который не выгнать из головы, — у науки есть и для него имя: непроизвольный музыкальный образ, INMI, «ушной червь». Это задокументированный эффект: короткий повторяющийся хук застревает в петле и проигрывается сам, без твоей воли. Запомни это слово — «без твоей воли». Через всю книгу я говорю про захват внимания. Вот захват, который тебе даже не нужно смотреть: он

уже играет внутри.

Теперь наша запись, по чертежу четвёртой книги. Что такое Хека? Сознательное название, слово, повторённое с намерением, которое схлопывает реальность по своему паттерну. А теперь смотри, что такое поп-песня по этой мерке. Простая фраза — «я ничего не стою без тебя», «бери от жизни всё», «мне плевать» — положенная на крючок, который застревает, и которую ты потом сам, своим голосом, своим Ба, запеваешь сотни раз. Это не «ты послушал чужое мнение». Это ты сам, добровольно, многократно произнёс формулу. Заклинание, которое жертва читает себе сама. Древний жрец, чтобы вложить установку, должен был петь над тобой. Сегодня ты скачиваешь её в наушники и поёшь над собой бесплатно, по кругу, считая это своим вкусом.

И вот свежий слой, которого не было даже десять лет назад, — настроение как товар. Раньше ты владел песней: купил пластинку, поставил, что хотел. Теперь ты арендуешь настроение. Факт, и его подробно разобрала журналистка Лиз Пелли в расследовании о Spotify («Mood Machine», 2025): платформа давно торгует не альбомами, а плейлистами под состояние — «для сна», «грусть», «фокус», «чилл». Тебе больше не нужно выбирать — лента сама подберёт, что ты будешь чувствовать ближайший час. И там же — задокументированная история про «идеально подходящий контент» (Perfect Fit Content): дешёвые фоновые треки безымянных поставщиков, которыми набивают популяр-

ные плейлисты, чтобы платить артистам меньше. Перечитай двадцать пятую главу про рупор без человека — вот он, уже здесь, в музыке: тебе подсовывают звук без артиста, и ты этого даже не замечаешь, потому что слушаешь не «кого-то», а «настроение».

Наша запись поверх этого. Это Теневая Хатхор в самой тихой форме. Настоящая Хатхор — радость, любовь, живая музыка, которая поднимает. Её тень — управление твоим состоянием извне, дофаминовая петля, в которой ты не выбираешь, что чувствовать, а получаешь чувство по подписке. Ты думаешь, что «слушаешь под настроение». На деле настроение тебе назначили, а ты его принял. Лента стала тем, чем раньше был тапёр в опиумном притоне: играет ровно то, что держит тебя в нужной дозе — не слишком бодро, чтобы встал и ушёл, не слишком тоскливо, чтобы выключил. Фон, на котором ты остаёшься.

И ещё одна деталь, инженерная, от которой у меня как у технаря зубы сводит, — «война громкости» (loudness war). Факт: десятилетиями записи сжимали по динамике всё сильнее, чтобы звучать громче конкурентов в эфире и в наушниках. Результат — у современного трека почти нет тихих мест, нет пауз, нет дыхания: ровная стена звука на максимуме от первой секунды до последней. Наша запись: музыке выключили тишину. А тишина — это то место, где Иб успевает услышать сам себя. Нет пауз в звуке — нет пауз в голове. Тебя держат на постоянном лёгком возбуждении, как

ленту новостей, только через уши. Древний распев дышал — вдох, звук, тишина, отклик. Современный поп не дышит. Он давит ровно, как насос.

И, как везде в этой книге, поворот ключа — в назывании, и тут он особенно прост, потому что инструмент у тебя в руках буквально. Спроси над любимым треком два вопроса. Первый: что я сейчас сам себе пропеваю — и хочу ли я, чтобы это сбылось? Потому что строчку, которую ты повторяешь сотни раз, ты, по нашему чертежу, произносишь как Хеку над собственной жизнью. Второй: я выбрал это звучать — или мне это назначили? Песня, которую ты осознанно поставил сам, под свой смысл, — это твоя Хека, твоя сила. Та же песня, влитая в тебя лентой под чужую дозу, — чужая. И отдельно верни себе тишину: хотя бы час в день без наушников, без фона. Не потому что музыка зло — а потому что в паузе снова слышно Ба. А его-то, как и всё в этой книге, машина и старается заглушить. То, что мы строим в МААТ, и здесь то же самое по форме: платформа, где мастер-запись и Рен принадлежат тому, кто спел, а не тому, кто скупил каталог, — чтобы песня снова была заклинанием автора, а не наживкой хозяина.

Джед Меду.

ГЛАВА 4. ЧТО ВЕЩАЮТ ИЗ РУПОРА

В первых трёх главах я показал рупор: кто им владеет, как привязывают артиста, как работает вброс. Но рупор — это труба. Труба сама по себе никуда не ведёт. Вопрос, который не отпускает меня и который мне задают чаще всего: а что именно через эту трубу льют? И куда оно нас ведёт?

Это центральная глава книги. Здесь я разберу контент. Не «вот в этом клипе мелькнуло око» — это детский уровень, и на нём тебя легко высмеять. Я разбираю повторяющиеся сюжеты. Один фильм — случайность. Один и тот же мотив в сотне фильмов за двадцать лет — это русло. А русло само ведёт воду вниз.

И сразу сниму главное возражение, чтобы ты держал его наготове, когда книгу начнут бить. Нет комнаты, где сидит совет и пишет сценарии всех фильмов планеты. Этого не нужно. Фонд не пишет сценарий. Фонд задаёт градиент: что профинансировать, что пустить в прокат «зелёным светом», кого поднять алгоритмом, кому дать бюджет на сиквел. А дальше тысячи сценаристов, режиссёров и артистов — те самые «полусознательные» из пятой книги — производят нужное сами, искренне считая, что «это просто то, что заходит». Им платят за определённое. Они производят определённое. Русло работает без собрания. Запомни эту механику: факт

— это концентрация владения и измеримые тренды контента; наша запись — что эти тренды складываются в один вектор, и вектор этот — Исфет.

Пойдём по носителям.

Экран: кино и сериалы

Разложим повторяющиеся сюжеты последних двадцати-двадцати пяти лет. Каждый привяжу к Теневому Нетеру из таблицы двенадцатой главы пятой книги.

Конец света по расписанию. Апокалипсис, постапокалипсис, дистопия — один из самых плотных жанров эпохи. Вымирание, эпидемии, «последний город людей», тоталитарное будущее. Конвейерно, год за годом. Это дрессировка по Теневому Ра. Ра — это обновление, рассвет, «после двенадцатого часа всегда утро». Теневой Ра вбивает обратное: будущего нет, впереди только тьма, сопротивляться бессмысленно. Помнишь из четвёртой книги — Апоп лечится движением, а его тень парализует. Сотни фильмов про неизбежный конец — это Хека паралича, разогнанная до промышленного масштаба. Зритель выходит с впечатанным паттерном: «мир кончается, я бессилен».

Спаситель снаружи. Супергеройское кино — доминирующий жанр последних пятнадцати лет. Один сверхчеловек спасает беспомощную массу. Это прямой удар по тому, на чём стоит вся наша система, — по Ба человека. Жрец говорит: слушай своё Ба, ты сам — узел, держащий стену. Супергеройский нарратив говорит обратное: ты — спасаемая

масса, сиди и жди того, кто прилетит. И заметь — это ещё и образ Рамсеса: один колосс над толпой маленьких фигурок. Зрителя двадцать лет приучают не к собственной силе, а к ожиданию внешнего хозяина.

Нежить как норма. Двадцать лет эстетизации немертвых — от романтического вампира до бесконечных зомби-сериалов. Это нормализация Мутов из третьей книги и Теневого Осириса — смерти без обновления, зависания. Культура внушает: застрять между мирами — это привлекательно, сексуально, «вечно молод». Ровно тот образ, который тёмные практики продают застрявшим мёртвым в Дуате. Индустрия делает зависанию рекламу.

Стирание различия. Сдвиг от героя к «сложному» антигерою, к «нет хороших и плохих, все одинаково грязные». Это атака на саму Маат — на способность различать. Во второй книге главная ось — не свет против тьмы, а Маат против Исфет. Когда зрителю двадцать лет подряд внушают «добра и зла не существует», ему отключают Сиа — орган различия. А человек без различия — идеальная батарея: он не отличит честный обмен по Маат от присасывания Исфет. Это не «взрослая моральная сложность». Это анестезия Иб.

Бесконечный сиквел. И вот тут факт, свежий и сильный: в 2024 году все десять самых кассовых фильмов планеты — это существующее IP, ни одного оригинального сюжета в топе. На 2025-й от 50 до 70 процентов фильмов шести мейджоров — сиквелы, ремейки, франшизы. Оригинальное вытес-

нено. Наша запись: это двойной удар. Это Теневой Птах — творящее слово заблокировано, нового не рождается, идёт только перепев старого. И это захват Рен: студия не создаёт новое имя, она доит уже захваченное до бесконечности — буквально паттерн Рамсеса, переэксплуатация присвоенного картуша. Культура, которая перестала рождать новое и только пережёвывает старое, — это Дуат, а не Та. Зал ожидания без рассвета.

Разрыв рода. Систематически: отец — идиот или тиран, семья — тюрьма, традиция — отсталость, разрыв с корнями — «освобождение». Это прямая атака на Ка — родовой канал, на котором, по первой книге, стоит вся связь поколений. Рен живёт, пока имя предка произносят. Культура, обесценивающая род, рвёт линию Рен на бытовом уровне — отучает поминать, чтить, продолжать. Это *damnatio memoriae*, разнесённое по каждой квартире.

Оккультно-демоническая эстетика как фон. Хоррор с ритуальной символикой — устойчивый массовый жанр; демоническое всё чаще подаётся нейтрально или притягательно. Цель не «обратить в сатанизм» — цель сдвинуть норму: чтобы вчерашнее «жуткое» стало сегодня «стильным», а завтра — фоном. Та же закачка в коллективный Нун, что и на стадионе, только растянутая по тысячам экранов.

Трансгуманизм и спаситель-машина. Растущий поток прослияние с ИИ, загрузку сознания, «улучшенного» человека, машину-избавителя. Это финальный увод от Ба. Если «спа-

ситель снаружи» говорил «жди того, кто прилетит», то этот говорит: «спаситель будет машиной, а ты слейся с ней». Теневой Тот — знание без Маат, информация вместо мудрости — плюс прямое предложение отказаться от собственной природы. Венец всей работы: человек, добровольно меняющийся Ба на интерфейс.

Звук: музыка

Здесь у нас не «мне кажется». Здесь факт, и его нужно вставить со ссылкой, потому что он бьёт наповал. Большое исследование (журнал Scientific Reports, 2025; и работы 2024 года) проанализировало больше 20 000 песен из Billboard Hot 100 за 1973—2023 годы. Вывод: за полвека тексты популярных песен стали проще, негативнее, тревожнее, эгоцентричнее и злее. Рост гнева — максимальный в рэпе. Падение позитива — в попе, роке, кантри, R&B. Местоимение «я» растёт, слова про общину и социальную связь — падают. И авторы прямо отмечают: это идёт параллельно с ростом депрессии и тревожности в обществе и с такой же негативизацией новостей и художественной литературы.

Наша запись: это портрет Исфет по всем фронтам сразу. Упрощение слова — это Теневой Тот. Слово ведь не украшение: Слово — это Хека, творящая сила Птаха. Упрощённое, обеднённое слово — это уже не инструмент, это глушилка. Рост негатива и тревоги — это закачка состояний в Нун. «Я» вместо «мы» — это разрыв сети Маат, которая, по второй книге, держится узлами-связями. Миллиард человек хором

поёт всё более тревожный, злой и одинокий текст — это Хекка массового масштаба, схлопывающая коллективный Нун в тревогу и изоляцию.

И вот тут я обязан остановиться и проговорить отдельно, потому что это и есть ось всей атаки. «Я» вместо «мы» — не случайный симптом эпохи. Это цель. Запад десятилетиями возводит культ отдельной личности, голого эго: семья — то, от чего «освобождаются»; род — «груз прошлого»; зависеть от кого-то — стыдно, «будь самодостаточным», «ты никому ничего не должен». У нас, где род и семья пока держатся крепче, этого меньше — но тенденция ползёт и к нам, теми же песнями, через тот же рупор. И подают это как свободу. А по чертежу Маат это не свобода. Это снятие защиты.

Смотри инженерно. По второй книге сеть Маат держится узлами-связями: человек — не точка, а узел, сцепленный по вертикали с родом (предки, родовой канал Ка из первой книги) и по горизонтали с живыми (семья, друзья, община). Эти связи — не сантименты. Это резервное питание и сверка сигнала разом: когда в тебя через ленту что-то впрыскивают, рядом есть те, об кого можно проверить — «слушай, это вообще нормально, или меня разводят?». Это Сиа, различение, распределённое по близким. Перережь связи — и узел схлопывается в одинокую точку. А одинокую точку не надо даже взламывать: у неё нет ни запасного питания, ни второго мнения, ни рук, которые удержат. Чем рупор её залил — тем она и живёт. Человека без рода, без семьи, без друзей

вести можно куда угодно: свериться ему не с кем, опереться не на кого.

И тогда древнейший приём Исфета — разделяй и властвуй — выходит на новый этаж. Раньше делили народы и классы. Теперь режут по живому: отрывают человека от предков, от семьи, от друзей — до состояния одинокого тревожного потребителя, который сам, добровольно, сидит со светящимся прямоугольником, и в него удобно лить. Не зря рядом с ростом «я» в песнях авторы исследования зафиксировали и рост депрессии и тревоги: одинокий — это не просто несчастный. Одинокий — это беззащитный и управляемый. Вот зачем вся машина так настойчиво поёт тебе про одиночество и самодостаточность: ей не нужен человек в сети. Ей нужна отдельная батарейка, рядом с которой нет никого, кто выдернул бы её из розетки.

И тематически ядро мейнстрим-хита — деньги, статус, секс, доминирование. Это Теневая Маат (богатство как мерило благородства — буквально тот симптом Кали-юги, что я цитировал в пятой книге) плюс Теневая Хатхор (секс и дофамин как зависимость, эксплуатация Сехем). Плюс измеренный рост повторяемости и простоты текста — это техника: простая зацикленная фраза, повторённая миллионам, работает как примитивный Хека-триггер, минуя Иб. Не песня для слушания. Мантра для впечатывания.

Поток: новости и лента

Тот же рупор, третий регистр. Редакционный принцип «if

it bleeds, it leads» — кровь в топ — это факт индустрии. Новости здесь не информируют, а работают доильным аппаратом тревоги. И тут — отсылка к первой книге, без которой картина неполна: дело не только в смысле новостей, дело в их частоте. Я там объяснял, что новостной фон — это не просто информация, а определённый набор частот, которым программируется энергетическое тело человека. Поток убийств, ЧП, катастроф, войн и экономических обвалов настраивает тело-сознание на низкую, тяжёлую волну и держит человека в постоянно уязвимом, пробитом состоянии — ещё до того, как он успел осознать хоть один заголовок. Постоянный страх держит Иб в режиме выживания — ровно то, что в пятой книге делает с телом кредит. Испуганный человек не идёт за своим Ба. Он замирает.

Поляризация — «мы против них», враг — это другая половина людей — это топливо для войн, а войны, по двадцать первой главе пятой книги, дают двойной урожай: финансовый и в Дуате. Медиа готовит коллективный Нун к расколу раньше, чем раскол случается физически. Сначала образ врага в голове — потом снаряд.

И бесконечная лента, реалити, культ знаменитости — это чистый Теневой Ра из таблицы: «стагнация сознания, бесконечный скроллинг». Внимание — главный ресурс по первой книге — утекает в пустоту добровольно, часами в день.

Куда ведут

Ты прав в своём ощущении. Это не разрозненный «пло-

хой контент». Все эти сюжеты тянут в одну сторону. Если наложить их на чертёж Маат, вектор читается чётко:

- от различения (Сиа) — к серости и «всё равно»;
- от творения нового (Птах) — к повтору старого;
- от общины, от «мы» — к эго, к «я», к изоляции;
- от надежды, от рассвета — к тревоге и концу света;
- от своей силы (Ба) — к ожиданию спасителя или машины;
- от рода и памяти (Ка, Рен) — к разрыву линии;
- от Слова силы (Хека) — к простому триггеру.

И вот сведённый ответ на твой вопрос. Их не ведут к конкретному событию. Их ведут в состояние. В состояние сломанной антенны.

Вспомни самый страшный образ пятой книги — закрытие окна Кали-юги. Это ведь не взрыв. Это «404 — Listener Not Found»: Нетеру вещают, а приёмники сломаны, и услышать некому. Так вот: индустрия образов — это конвейер по производству сломанных приёмников. Человек, у которого Сиа отключена, Ба заглушено, Иб держат в тревоге, Ка оторвано от рода, а внимание утекает в ленту, — он физически не способен услышать ни своё Ба, ни Маат, ни Нетеру. Он жив, он работает, он потребляет. Идеальная цивилизация-батарея. И при этом канал к Нетеру у целого поколения тихо закрывается.

Это и есть конечная точка. Не «всех убить» — мёртвая батарея бесполезна, я разбирал это в пятой книге. А превра-

тить человечество в стабильный, депрессивный, тревожный, развлечённый источник Сехем, у которого отрезан канал наверх. Финансовый этаж забирает труд. Этаж образов забирает способность это заметить. Вместе — замкнутый контур, в котором батарея сама себя сторожит и ещё и платит за подписку.

4.1. Батарея на пособии

Я только что сказал: финансовый этаж забирает труд. Но тут встаёт честный вопрос на будущее, и он стоит того, чтобы остановиться. А что будет с этим этажом, когда ИИ и роботы сделают человеческий труд ненужным — или обесценят его в разы? Когда человек не только перестанет создавать, но и посуду в ресторане мыть будет не он, а машина? Не рассыплется ли тогда вся хватка финансового этажа — ведь забирать станет нечего?

Не рассыплется. И вот почему. Машине никогда не был нужен именно твой труд. Ей нужен твой Сехем — жизненная сила — в любой удобной форме. Труд (Ка) был просто исторически удобной формой выкачки: пока ты нужен у станка, тебя держат зарплатой и долгом. ИИ убирает не аппетит машины, а одну конкретную форму. Поэтому автоматизация человека не освобождает — она его перепрофилирует: из источника труда в источник внимания, спроса и данных. Ты перестаёшь быть нужен как производитель и остаёшься нужен только как потребитель и батарея. А это ровно тот этаж, про который вся эта книга. То есть ИИ не выводит человека

из конвейера — он делает образный этаж из второстепенного главным органом выкачки.

И тут всплывает Древний Рим — буквально. «Хлеб и зрелища»: Рим даром раздавал зерно безработной, экономически бесполезной, но многочисленной толпе и устраивал ей игры. Не из доброты — незанятые руки опасны, а сытый и развлечённый плебс не бунтует. Пост-трудовое человечество — это и есть глобальный плебс. Хлеб — это безусловный доход (UBI), зрелища — это стриминг, игры, лента. Финансовый этаж перестаёт доить труд и берётся за новую задачу: управлять лишним населением. Дать ровно столько, чтобы не умерли и не взбунтовались, и занять экраном, чтобы не заметили, что они лишние.

И тут честный вопрос, вокруг которого роятся страшилища: а ферма-то вообще растёт или её уже сворачивают? Факт (данные ООН, 2024): пока растёт, но резко тормозит. Нас 8,2 млрд, и население будет расти ещё лет шестьдесят — до пика около 10,3 млрд к середине 2080-х, а потом плавно пойдёт вниз. При этом рождаемость уже обвалилась: в среднем по миру 2,2 ребёнка на женщину против пяти в 1960-х, и в 55% стран, где живёт две трети человечества, она уже ниже уровня простого воспроизводства (в Китае около 1,0, в Европе 1,4). Каждый четвёртый человек живёт в стране, которая свой пик уже прошла. Почти весь оставшийся прирост — тропическая Африка; остальной мир выходит на плато и под уклон.

А что с расхожей идеей про «золотой миллиард» — будто лишних планомерно изводят до миллиарда? Скажу честно, по нашей же дисциплине: задокументированного плана истребления нет, и я не стану выдавать страшилку за факт. Спад рождаемости прекрасно объясняется без всякого заговора — города, образование, контрацепция, дороговизна детей. Больше того: там, где власти хотят больше детей (Китай, Корея, Россия, Венгрия), они давят на газ — а рождаемость всё равно падает. И главная тревога мировых институтов прямо сейчас — не «как сократить», а ровно наоборот: недонаселение, стареющие общества, сжимающаяся рабочая сила. Реальное зерно в «золотом миллиарде» одно — чудовищное неравенство потребления, где богатый миллиард съедает львиную долю ресурсов. А прокормить всех система технически может: еды производится с запасом на десять миллиардов, и голод — это вопрос распределения и бедности, а не абсолютной нехватки (около трети еды вообще выбрасывается). Прокормить — не проблема. Значит, ограничитель не в калориях.

Наша запись — и тут самое холодное. Если кормить могут и убивать никого не нужно, то зачем вообще «сокращать ферму»? А незачем — активно. Стадо не надо забивать, если оно перестаёт плодиться само, тихо и добровольно. А что глушит рождаемость сильнее всего? Ровно то, что мы разбираем как образный этаж: атомизация «я вместо мы», культ карьеры и самодостаточности вместо семьи, обесценивание

рода, экран вместо живой связи, тревога вместо будущего. Машина не строит газовых камер — она производит одинокого, тревожного, бездетного человека. И это даёт ей сразу два приза: меньше будущих людей (ферма сама ужимается, без насилия и без шума) и идеальную изолированную батарею здесь и сейчас. Одиночество — это депопуляция и контроль в одном флаконе. Картина выходит не «нас тайно истребляют», а честнее и страшнее: им не нужно нас истреблять — достаточно, чтобы мы сами расхотели жить, любить и продолжаться. Оговорюсь по чести: связь «атомизация → меньше детей» правдоподобна, но не единственная причина — драйверов много. Факт здесь — это цифры; а вот сведение их в один мотор — уже наша запись.

Теперь — прямой ответ: как привязать такого человека к деньгам и долгу, если зарплаты у него нет? Несколько механик, и они уже проклёвываются. Первая: доход-поводок. Деньги тебе дают — но сквозные: пришли и тут же утекли обратно тем же хозяевам через аренду, подписки, еду, платформы. Ты не получатель денег, ты труба, по которой их гоняют туда-обратно; батарею подкармливают ровно настолько, чтобы она продолжала разряжаться в машину. Оговорюсь честно: сам по себе безусловный доход — штука двойная, он может быть и по Маат (пол достоинства, чтобы человек не нищенствовал), и по Исфет (управляемая зависимость). Разница — в том, кто владеет источником и куда течёт поток. Вторая механика: вечная аренда вместо вечного долга. Ты не

владеешь ничем — ни жильём, ни инструментом, ни музыкой, ни софтом, — а арендуешь всё бесконечными мелкими платежами. Это даже элегантнее кредита: не нужно, чтобы ты зарабатывал, нужно, чтобы ты платил по чуть-чуть всегда. Третья, самая глубокая: залогом становится не труд, а сам человек. Раньше под долг закладывали будущую зарплату; когда её нет — закладывают поведение, лояльность, внимание, доступ. Долг взыскивают не удержанием из жалования, а отключением доступа — к платформам, к деньгам, к сервисам. Тебя не сажают в яму — тебя выключают из сети, и это страшнее.

И вот к чему это вьётся уже сейчас — к рейтингу. Оглянись: тебя и так непрерывно оценивают. Факт: в Китае работают и чёрные списки «ненадёжных» (попавшим в них реально закрывают покупку билетов на самолёт и скоростной поезд — это задокументировано), и частные баллы вроде Sesame Credit от Ant Group, дающие «надёжным» бонусы и упрощённый доступ. На Западе — своя, расползшаяся по кусочкам версия того же самого: кредитный скоринг, рейтинг водителя и пассажира в такси, продавца на маркетплейсе, гостя на Airbnb, телематика в страховке, что следит за твоей ездой, и тихое «отключение от банка» (debanking) для неудобных. Пока это лоскутки. Но гипотетически — и это уже не фантастика, а вопрос сшивания лоскутков — все они сводятся в один человеческий рейтинг вместо кредитной истории. И тогда от одного числа начинает зависеть всё: в какой

слой общества тебя принимают, в какие двери и рестораны пускают, какие товары и подписки тебе вообще доступны, где тебе разрешено жить и пустят ли в город. Не запрет по закону — а тихая регулировка доступа по баллу.

Наша запись. По нашему чертежу это страшнее любого закона, потому что это присвоенные веса. Вспомни взвешивание сердца (Иб) на весах Маат: честный суд по делам, на пороге Дуата, после жизни. Цифровой рейтинг — это те же веса, только снятые с алтаря Маат и отданные в руки кольца, и взвешивают теперь не после смерти, а ежесекундно при жизни. Твой Рен, твоё имя, сжимается до числа — а назначает это число хозяин шкалы. Назови это точно: это и есть Теневая Маат — подмена самого мерила. Истинная Маат мерит по правде и равновесию, и достоинство человека в ней неотъемлемо: оно есть просто потому, что ты — живой узел творения, и отнять его нельзя. Теневая Маат подменяет мерило чужим числом: ты стоишь ровно столько, сколько начислил тебе владелец шкалы за послушание и платёжеспособность. Перо истины, по которому взвешивали сердце, подменили баллом лояльности — и весами теперь правит не богиня, а тот, кто держит сервер. И самое главное: человек с рейтингом начинает сторожить себя сам. Он ведёт себя «правильно», чтобы балл не упал. Это и есть наша батарея, которая сама себя сторожит, доведённая до предела: надзиратель не нужен, если ты сам, добровольно, плясешь под цифру, выданную тебе чужой рукой. Послушание без приказа —

высший пилотаж Исфета.

И главный сдвиг, который надо увидеть целиком: вместо «работник против хозяина» приходит «владелец против зависимого». Когда труд ничего не стоит, единственный источник дохода — владение капиталом: роботами, ИИ, землёй, правами, платформами. А им владеет ровно кольцо и кланы из первой главы. Кто владеет — рантье; кто не владеет — на подачке. Это цифровой феодализм: человек больше не должен барину труд (труд не нужен) — он должен послушание, внимание и согласие в обмен на прокорм.

Наша запись — и тут поворот, ради которого об этом и стоит говорить. Посмотри, что происходит с рычагом. Когда у человека отняли труд, у него остаётся ровно одна ценность — та, которую машина не умеет произвести сама: его внимание, его согласие, его смысл, его канал вверх (Ба). Машинная экономика без людей, которые смотрят, хотят и одобряют, — бессмысленна: у паразита нет хозяина, и он осыпается. Значит, в пост-трудовом мире старое правило — «отними Сехем, и гигант осыпется» — становится не слабее, а вернее. Вся борьба окончательно переезжает на этаж Ба и внимания. Вот почему именно этот этаж — настоящий финал, и вот почему эта книга по сути важнее разговора про один лишь долг: труд у тебя почти забрали, осталось забрать способность это заметить — и именно её ещё можно отстоять. Это экстраполяция, вектор, а не пророчество: я не знаю, какой сценарий выстрелит, и не выдаю догадку за факт. Но ес-

ли он выстрелит — водораздел окажется простым: в одном будущем человек лишний рот на пособии у владельцев машин, а в другом — совладелец машин. Как сделать второе, разговор пойдёт в финале книги.

И вот здесь — наше место, и оно сильное. Жрец Маат — это тот, кто называет (Хека) и ставит зеркала. Назвать каждый из этих сюжетов вслух — уже Хека: человек, прочитавший эту главу, в следующий раз увидит супергероя, апокалипсис и тревожный хит как механизм, а не как развлечение. Антенна, которую назвали по имени, начинает чиниться сама. Это и есть работа.

Джед Меду.

ГЛАВА 5. ДЖОЙСТИК В РУКЕ. ИГРА КАК ТРЕНАЖЁР

Мы чуть не забыли про самую мощную дверь. Про игры. И это была бы серьёзная дыра, потому что игры — не «ещё один экран». Игры — это другой класс оружия, и сейчас объясню почему.

Кино ты смотришь. Песню ты слушаешь. Образ в тебя вбрасывают — ты принимающая сторона, антенна. А в игре ты действуешь. Ты сам нажимаешь, сам стреляешь, сам крадёшь, сам гриндишь, сам получаешь награду. И повторяешь это сотни и тысячи часов. На языке четвёртой книги это значит вот что: в кино Хека произносится над тобой, а в игре Хеку произносишь ты сам, своей волей, своими руками, с подкреплением. Это не вброс образа. Это дрессировка воли. Самый глубокий канал из всех, потому что подопытный не наблюдает ритуал — он его исполняет. Раз за разом. И ему за это платят дофамином.

Поэтому игры я ставлю не в один ряд с кино, а выше по силе воздействия. Кино лепит твои представления. Игра лепит твои рефлексy и твою волю. А аудитория у этой двери — в первую очередь дети, у которых Иб ещё только формируется. Лепят с нуля.

И есть слой глубже дрессировки, который надо назвать прямо, иначе всё сказанное звучит почти почётно. Игра не

просто лепит волю — она её сливает. Смотри: у тебя есть конечный запас Сехема, живой силы, и воля — это рука, которой ты вкладываешь этот Сехем в мир: в дело, в ремесло, в семью, в то, что останется после тебя. Игра подсовывает этой руке идеальный холостой ход. Ты пахнешь по-настоящему — рейды, гринд, ранги, достижения, — с азартом, с упорством, ночами. Но всё это вложено в нарисованный мир, который тебе не принадлежит и в котором по ту сторону экрана не остаётся ничего. Сотни и тысячи часов настоящей воли, настоящего труда, настоящего Сехема — спущены в контур с нулевым выхлопом в реальность. Это и есть кража: не отняли силой, а сделали так, что ты сам, с удовольствием, вложил кусок своей единственной жизни туда, где он сгорает бесследно.

И это ровно то, что нужно Кольцу. Человек, который вкладывает волю в реальные свершения, неудобен: он строит, крепнет, богатеет, копит силу — становится тем самым узлом, который держит стену. А человек, чья воля годами утекает в чужие нарисованные миры, безопасен идеально: он всё ещё чувствует себя деятельным и «чего-то добивающимся», но в реальности не построил, не накопил и не сдвинул ничего. Энергия, которой он мог бы изменить свою жизнь — и мир, — аккуратно стравлена в безопасную трубу, и за слив ему ещё и доплачивают дофамином, чтобы возвращался. Это не отдых после дел. Это подмена самих дел.

Кто владеет

И снова — честно, без упрощений, потому что расклад тут третий и самый пёстрый. Кино — это «кольцо» индексных фондов. Музыка — концентрированный частный капитал. Игры — гибрид, и в нём четыре хищника.

Факт:

— Microsoft — купил Activision Blizzard за 69 миллиардов долларов (2023): это Call of Duty, World of Warcraft, Candy Crush. Плюс Bethesda/ZeniMax — Doom, Fallout, The Elder Scrolls.

— Sony — PlayStation, плюс собственные студии.

— Tencent (Китай) — крупнейшая игровая компания мира по выручке. Владеет Riot Games целиком (League of Legends), Supercell, держит крупную долю в Epic Games (Fortnite, движок Unreal), плюс десятки долей по всему миру.

— Saudi PIF / Savvy Games — суверенный фонд Саудовской Аравии, бюджет около 38 миллиардов долларов, выделенных целенаправленно на скупку игровой индустрии. Прямо сейчас забирают Electronic Arts через выкуп на 55 миллиардов (по документам, PIF получает около 93% — почти полный контроль; рядом — Silver Lake и Affinity Partners Джареда Кушнера). Плюс доли в Nintendo, в Take-Two (это GTA), в Capcom, в Nexon; второй по величине акционер Embracer (права на «Властелина Колец» и Tomb Raider); купили Scopely и киберспортивную ESL FACEIT.

А над всеми публично торгуемыми из них — Microsoft, Sony, Take-Two, Roblox — снова сквозными акционерами

стоят те же BlackRock, Vanguard, State Street.

Наша запись. Я не скажу «те же три владеют играми» — это опять было бы упрощение, и тебя бы поймали. Я скажу точнее и тревожнее. Игры — это место, где сошлись все типы хищника сразу: корпоративный монополист (Microsoft), азиатский гигант, сросшийся с государством (Tencent), суверенный нефтяной фонд, скупающий внимание планеты на нефтяные деньги (PIF), и поверх всего — то же финансовое кольцо. Узор тот же, что в пятой книге: концентрация инфраструктуры внимания в нескольких кулаках. Разные руки — одно русло. И заметь, на что тратят сверхдоходы и нефть, и суверенные фонды: не на заводы. На контроль над тем, чем заняты руки и воля молодого поколения. Это говорит само за себя.

Что в них зашито

Теперь по жанрам и механикам. И тут разбор идёт глубже, чем с кино, потому что в игре важен не только сюжет — важна механика награды. Механика воспитывает даже там, где сюжета нет вовсе.

Лутбоксы, гача, «бесплатные» игры. Это факт: целый пласт индустрии построен на ящике Скиннера — переменном вознаграждении, том самом, что лежит в основе игровой зависимости и казино. Заплати — получи шанс на награду. EA сами назвали это «surprise mechanics», когда отбивались в суде. Наша запись: это Теневая Хатхор в чистейшем виде — дофаминовая зависимость, выработанная инженерно, на

детях, под видом игры. Ребёнка натаскивают: чтобы почувствовать себя хорошо — заплати и дёрни рычаг. Это дрессировка будущей батареи, которая всю жизнь будет искать облегчение в покупке. И это, по сути, азартная игра, легализованная для детей.

Live service, гринд, ежедневные задания. Игра, спроектированная так, чтобы никогда не кончаться и каждый день тянуть тебя обратно «забрать награду». Это инженерия по захвату внимания — главного ресурса по первой книге — и времени жизни. Это Теневой Ра: бесконечный цикл без рассвета, зал ожидания, из которого выход не предусмотрен дизайном. Время человека буквально собирается как урожай — измеряется метрикой «engagement» и продаётся.

И тут стоит остановиться на одном слове — «внимание», — потому что в нашей системе это не мелочь, а самый центр. Внимание — это сосредоточенная воля: куда направил внимание, туда вложил волю, это один и тот же акт. А воля-внимание — это и есть инструмент, которым человек выбирает реальность из Нуна, из океана возможностей. Нун — это неоформленное «всё сразу»; направленное внимание собирает из него одно конкретное, и в нашем чертеже это и есть акт творения: Птах произносит — и из возможного собирается мир. И даже физика на самом своём дне упёрлась ровно в это: в опыте с двумя щелями частица остаётся размазанным облаком возможностей до того мгновения, пока её не наблюдают, — наблюдение собирает облако в одно событие.

Механика та же, что у нас: возможность становится реальностью только под направленным вниманием.

Теперь поставь это рядом с метрикой «engagement». Когда машина забирает твоё внимание, она забирает не «свободное время» — она забирает твой резец, которым ты высекаешь реальность из Нуна, саму твою способность выбирать, какому из возможных миров сбыться. И тратит этот резец на сборку своего мира, а не твоего. Бесконечный live-service-цикл — это станок, который весь твой инструмент творения переводит в холостую стружку. Вот почему внимание — главный ресурс: это не время, это власть выбирать реальность. И её сливают.

Шутер и военный жанр (Call of Duty и родня). Нормализация убийства как досуга, война как развлечение. И тут не только образ — тут навык: ты тренируешь рефлекс убивать, тысячи повторений, с наградой за точность. Это Теневой Сет — насилие как норма, плюс десенсибилизация. И помни линию из пятой книги: война — двойной урожай. Поколение, для которого убийство на экране — ежевечерняя норма с подкреплением, — это подготовленный к войне Нун. (Отдельный задокументированный факт, который стоит вставить: армия США выпускала собственную игру-шутер как инструмент вербовки. Грань между тренажёром убийства и развлечением они стёрли сами, открыто.)

Открытый мир преступления (GTA и подобные). Игрока награждают за угон, убийство, грабёж, насилие, за хаос как

форму веселья. Это прямая инверсия Маат: Иб человека тренируют на том, что Исфет — это удовольствие и свобода. Не «показывают преступника» — дают побыть им и поощряют за это очками. Различение добра и Исфет не притупляется, как в кино, — оно прямо перепрошивается на обратное.

Аватар и растворение личности (Roblox, метавселенные, бесконечные «вторые жизни»). Ты — не ты. Ты живёшь в чужом теле, под чужим именем, в чужом мире. Для взрослого это игра. Для ребёнка, чьё Рен и Ба ещё формируются, это тренировка быть кем угодно, кроме себя. Идентичность арендуется. Имя — сменное. Это размывание Рен с детства — и одновременно онбординг в ту самую трансгуманистическую метавселенную, к которой готовит и кино.

Хоррор и оккультные игры. То же, что в кино, но интерактивно: здесь ты не смотришь ритуал — ты его проводишь внутри игры, своими руками, как механику. Нормализация Исфет-образов через действие, а не через просмотр. Глубже на порядок.

Онлайн-племя вместо общины. Клань, гильдии, токсичный матчмейкинг. Настоящую общину — ту, что держит сеть Маат узлами живых связей, — подменяют инженерным «племенем», заточенным на «мы против них», на статус и на конфликт. Связь есть, а Маат в ней нет.

И поверх всего этого — телеметрия. Это важно назвать прямо. Современная игра следит за каждым твоим действием и подстраивает петли награды под конкретно тебя, чтобы

держат дольше и доить эффективнее. На языке пятой книги это буквальный ботнет с C&C-сервером: ты — нода, твоё поведение — данные, обратная связь затягивает петлю всё туже. Ты не клиент. Ты — продукт и подопытный одновременно.

Куда ведут игры

В центральной главе я сказал, что кино, музыка и новости ведут человека в состояние сломанной антенны — пассивной батареи. Игры ведут на шаг дальше и страшнее.

Игры производят активную батарею. Батарею, которая сама держится за провода и любит это.

Смотри, что складывается. Воля (Иб) натренирована искать дофамин в петле награды. Имя и личность (Рен, Ба) — текучие, сменные, арендованные в аватаре. Внимание и время жизни — собраны полностью, добровольно, с радостью. Человек исполнял акты Исфет своими руками тысячи раз и получал за это удовольствие. Власть он переживал только в симуляции — будучи бессильным в реальной жизни. И всё его поведение оцифровано и заведено в петлю, которая его же и ведёт.

Конечная точка вектора — вот она. Кино готовит представления для метавселенной. Игры готовят рефлексy и согласие жить в ней. Цель — получить поколение, которому комфортно проводить жизнь внутри чужой, кем-то владеемой симуляции: исполнять задания за награду, носить арендованное имя, не замечать, что канал наверх давно закрыт,

— и считать это свободой и развлечением. Это и есть финал работы Исфет: не раб в цепях, а батарея, которая сама оплатила подписку, сама держит джойстик и искренне не хочет, чтобы её отключали.

И тут я обязан вернуться к самому началу — к тому сну из первой книги, потому что только сейчас, в конце этой главы, он раскрылся для меня до дна. Помнишь: ночью ко мне пришёл оператор Исфет и предложил подписать Договор. Я отказался. И вот что было дальше — то, на чём я тогда почти не сделал акцента: когда я сказал «нет», меня попытались накрыть Куполом. Силой. Я почувствовал, как мою Ба заметало внутри, как птицу в клетке: она билась о стенки невидимой сферы, ища щель, через которую ещё можно докричаться наверх, к Нетеру. Меня не уговаривали больше — меня запечатывали.

Так вот, разверни это на масштаб. И сразу назови действующих по имени: это не «метавселенная» что-то делает — метавселенная лишь инструмент, рука. Делают Теневые Нетеру и их сподвижники — те самые жрецы и подрядчики, о которых пойдёт речь дальше. То, что в ту ночь они пытались сделать со мной, с одним человеком, за одну попытку и грубой силой, — теперь, их руками и через их фабрику, накатывается на всё человечество: по проекту, мягко и добровольно. Купол — это и есть закрытый канал наверх, та самая отрезанная связь с Нетеру и собственным Ба. В моём сне его набрасывали грубо, и Ба сопротивлялась, потому что чувство-

вала захват. А чужая, кем-то владеемая симуляция набрасывает тот же Купол изнутри, через удовольствие: ты самходишь под сферу, сам носишь арендованное имя, сам перестаёшь замечать, что докричаться наверх больше некуда, — и не бьёшься, как билась моя Ба, потому что тебе уже и не хочется наружу. Вот в чём весь ужас финала. Меня брали силой — и я смог отказаться. Поколение, выросшее под куполом-развлечением, отказываться не станет: ему там хорошо, и ведь так делают все. А против «так делают все» отказываться почти невозможно — это уже не твой личный выбор против оператора, это ты один против всех. Купол держится не только удовольствием, но и стадом: зачем выламываться наружу, если снаружи никого, все давно внутри. Механизм Исфет один и тот же — купол на одного во сне и купол на всех наяву; просто во втором случае запертый сам держит джойстик и ещё доплачивает, чтобы купол с него не снимали.

И, как всегда, наша задача — не «запретить игры». Это был бы Теневой Сет, запрет ради запрета. Но игры могут быть другими — добрыми, познавательными, раскрывающими суть мироздания, расширяющими мировоззрение, дающими свободу. Сейчас наша задача — назвать механику и поставить рядом другое русло. Ребёнок, которому объяснили, что лутбокс — это рычаг Хатхор, а ежедневное задание — это сбор его времени в чужой урожай, уже играет иначе. Он видит петлю. А кто видит петлю — тот уже не до конца в ней.

Джед Меду.

ГЛАВА 6. АРХИТЕКТОР, ПОДРЯДЧИК И БАТАРЕЙКА

Самый частый вопрос, который мне задают после первых глав, звучит так: «Тэлим, так что — они все там в сговоре? Сидят в подвале в чёрных мантиях и распределяют, кому какой клип снять?»

Нет. И пока ты думаешь, что устроено именно так, тебя легко выставить дурачком — достаточно показать обычного измотанного режиссёра, который просто хотел снять кино и платить за ипотеку. «Вот, смотрите, никаких мантий, нормальный человек». И всё, разговор закрыт.

А правда устроена хитрее — и страшнее. Не нужно, чтобы все сидели в подвале в мантиях. Достаточно, чтобы в мантиях сидели те, кто наверху, — а остальные этажи поплывут сами. Система держится не на всеобщем сговоре, а на этажах. На каждом — свой тип человека, и каждый видит только свой кусок. Я выделяю три типа. Это прямое продолжение двенадцатой главы пятой книги: там была финансовая пирамида, здесь — индустрия образов. Механика одна.

Но прежде чем раскладывать типы, скажу главное — без этого вся глава рассыплется. Теневые Нетеру реальны. Это не литературный образ, не «обобщённое зло» и не способ красиво обозвать жадность. Это действующие силы из нашей системы (книга 4) — и у них, как у всяких сил, есть жрецы.

С них и начнём, потому что это и есть верхний этаж.

Тип первый. Архитекторы — жрецы Теневых Нетеру.

Это те, кто знает. И знает не «про бизнес» — про устройство. Это сознательный жреческий слой: люди с тайным знанием, которые служат Теневым Нетеру осознанно и по своей воле. И это не метафора, не фигура речи — это факт нашей системы. Сравни в лоб. Жрец Анубиса встаёт на связь с Нетеру: ему показывают, что нужно, и он проводит это в мир — чисто и точно, как канал Маат. Эти — зеркало. Они встают на связь с Теневыми Нетеру, им так же показывают, что нужно, — и они делают ровно это. Разница в двух вещах. Первая: служат не Маат, а Исфет. Вторая — и вот от неё холодок: жрец храма работал на свой ном, на свой город, и его обряд касался горстки людей у алтаря. А эти работают сразу на массы — у них в руках рупор на миллиарды. Один их «обряд» — клип, премьера, церемония награждения — накрывает планету за вечер.

Сценарии они не пишут и сами не снимают. Им не нужно. Они задают русло: что финансировать, что поднять наверх, что назначить «успехом», какой образ освятить в этом сезоне, — а вода течёт сама. Это и есть ритуал в масштабе: не свечка в подвале, а спроектированный поток внимания миллиардов, направленный туда, куда нужно Теневым Нетеру. Вот почему фокус «покажите обычного режиссёра без мантии» — подмена: режиссёр сидит этажом ниже. Мантия — на этаже архитектора, и он её действительно носит. Просто

ты его в лицо не знаешь.

И не думай, что их «обряды» — это только клипы, премьеры и красные дорожки. Это самый видный цех, но не самый страшный. Самый страшный — война. Вспомни по нашим книгам, как человек уходит по Маат: подготовленным, примирённым, провожаемым, — чтобы Ба отделилась чисто и душа дошла до порога Дуата. А теперь смотри, что делает война: она обрывает тысячи и тысячи жизней разом — внезапно, в ужасе, в ненависти, в незавершённости, без обряда, без проводов, часто даже без тела. Такая душа не уходит чисто. Она застревает между мирами, не дойдя до входа в Дуат. На языке тех форумов чёрной магии, с которых я когда-то начинал копать, это и есть «зависшие мёртвые». И война производит их не по одному — тысячами за день.

А теперь холодок поглубже шоу-бизнеса. Если ты умеешь работать с зависшей душой — а жреческий слой Исфет это умеет, это его прямое ремесло, — то поле боя для тебя не трагедия, а жатва. Война под этим углом перестаёт быть только «политикой» и «экономикой» (хотя и ими тоже) и оказывается ещё и ритуалом промышленного масштаба: разом отправить тысячи Ба застревать на пороге — а потом поставить их на работу. Здесь важно одно: тот же сознательный слой, что назначает «успехом» нужный клип, не брезгует и куда более тёмной жатвой. Рупор на миллиарды и фабрика зависших мёртвых — это две руки одного и того же жречества.

И здесь я ставлю точку намертво, чтобы после пятой книги меня не поняли криво: архитектор-жрец — это не «узел в русле», которого тоже жалко, и не «батарейка». Это враг. Сознательный, добровольный, на связи. Чем выше сидишь и чем больше знаешь — тем больше на тебе вины, а не меньше. Знание — не смягчающее обстоятельство. Знание — отягчающее. Тот, кто видит чертёж Исфет и выбирает служить ему ради власти и денег, — виновен полностью. Без скидок на «он тоже часть системы». Он эту систему и питает — с самого верха, своей рукой на связи.

Тип второй. Подрядчики. Полусознательные.

Это огромный слой посередине: продюсеры, главы лейблов, режиссёры, хореографы, A&R-менеджеры, постановщики шоу. Те, кто своими руками делает продукт. Жрецы сверху используют их как инструменты — показывают не чертёж, а задачу: «нужен вот такой образ, вот такой клип, вот такой скандал». И подрядчик исполняет.

Он чувствует, что что-то не так. Что сюжет тёмный, образ мерзкий, что ребёнку это показывать нельзя. Но включается то, что я называю самонаркозом: «это просто бизнес», «я художник», «не я, так другой снимет», «зато гонорар закроет долги», «все так делают». И человек принимает решение не смотреть. Отворачивается сам, добровольно. Вот его первая вина — не в том, что он архитектор (он не архитектор), а в том, что выбрал не видеть. В первой книге система боялась не мага, а того, кто называет вслух. Подрядчик всё видит —

но решает молчать и делать, потому что так выгоднее.

Но есть и вторая вина, и тут — поправка, которую нельзя смазать. Полусознательность не выводит подрядчика из-под линии Нетеру. Потому что, входя в индустрию и принимая её правила, он подписывает тот самый Договор из второй главы — не бумажный, а энергетический, часто вообще без слов, просто согласием «играть по правилам». А подпись есть подпись. Ею он подключает своё Ба к той же линии, что и жрецы наверху, — пусть ступенью ниже, пусть как инструмент, а не как оператор. Он становится не сторонним наёмником, а звеном цепи, по которому идёт ток. Именно это мы разберём дальше на конкретном примере — и в связке с моей личной историей из первой книги: человек может искренне считать, что «просто ведёт вечеринку», а его Ба в этот момент уже стоит посредником в чужом обряде, потому что Договор подписан. Полусознательно — да. Но подписан. И линия проведена.

Тип третий. Батарейки.

А вот это — жертвы. И только тут уместно слово «жалко». Это огромная часть артистов — особенно молодых, пришедших с горящими глазами, — и это вся аудитория, мы с тобой в том числе. Тех, у кого Ба изолировано, а Иб аккуратно перенастроен. Они не выбирали служить Исфет. Их использовали.

Как именно делается батарейка — я разбирал в четвёртой книге, в четыре шага модификации Иб. Напомню корот-

ко, потому что на артистах это видно как на ладони. Шаг первый: сдвиг точки отсчёта — тебя выдёргивают из родной среды, из рода, из дома, в новый мир с новыми правилами. Шаг второй: переопределение нормы — то, что вчера было дико, теперь «как у всех в индустрии». Шаг третий: перенастройка фильтров — ты перестаёшь замечать, что переступил черту, которую раньше не переступил бы никогда. Шаг четвёртый: работа по чужой программе — ты уже сам, своей волей, делаешь то, что нужно хозяину, и считаешь это своим выбором.

И вот когда все четыре шага пройдены, человек подписывает Договор — не тот, бумажный из второй главы, а второй, энергетический, и часто даже без слов. Он принимает маску-Рен, которую ему надели. Участвует в ритуализированных событиях. Публично исполняет нужные образы. И этим регистрирует своё Ба в чужой сети — становится работающей антенной. Заметь горькую логику: самые «успешные» по метрикам индустрии — нередко те, кто полнее сдал волю. Не потому что талантливее. Потому что антенна с наименьшим сопротивлением передаёт сигнал чище.

И тут честная оговорка — я не хочу выдавать догадку за знание. Где именно ставится эта подпись, мы до конца не знаем. Но у меня есть сильное подозрение, и опирается оно на мой собственный опыт из первой книги: очень может быть, что к каждому из них приходят так же, как пришли ко мне, — во сне. Ночью, когда дневной ум отключён и сторож

снят, является оператор, садится за стол, кладёт перед тобой условия — и ты ставишь подпись. А наутро человек просыпается и отмахивается: «приснитися же такое — ну подписал я что-то во сне, и что с того?» И идёт жить дальше, искренне уверенный, что ничего не было.

В этом и весь фокус, и он дьявольски изящен. По нашему чертежу сон — это не «ничего». Это Дуат, та самая область, где Ба ходит без скафандра тела и где сделки заключаются по-настоящему. Подпись, поставленная там, — настоящая подпись; согласие, данное там, — настоящее согласие. А то, что бодрствующий ум потом списывает это на «глупый сон», только захлопывает ловушку: ты не помнишь, что согласился, не можешь отозвать то, чего для тебя «не было», — а линия уже проведена и ток уже идёт. Самое крепкое согласие — это то, которое сам подписавший не принимает всерьёз.

Теперь — зачем я вообще раскладываю это на три типа. Не ради схемы. Ради инструмента различения, того самого Сиа, который индустрия так старательно нам отключает. Потому что есть две ленивые позиции, и обе ложные. Первая: «все звёзды — демоны, продались, гореть им». Это глупость и несправедливость — так ты валишь жертву-батарейку в одну кучу с архитектором. Вторая: «да они все просто люди, жертвы системы, никто не виноват». Это анестезия — так ты оправдываешь архитектора и подрядчика.

Между этими двумя ямами и идёт жрец Маат. С Семью

Ключами из четвёртой книги в руке. Как отличить? Смотри на три вещи. Говорит ли он правду о том, что с ним делают, — или вылизывает руку, которая доит (Принс, написавший «РАБ», — это Ба прорвалось; тот, кто поёт о любви к контракту, — антенна на полной мощности). Пытается ли выйти — или цепляется за петлю (Тейлор, перезаписавшая мастера, — выход; тот, кто подписывает третий кабальный контракт радостно, — глубоко внутри). И держит ли он сам руку на рычаге — использует ли других так же, как использовали его. Вот это последнее — граница между жертвой и подрядчиком. Жертву доят. Подрядчик начинает доить других — и в этот момент перестаёт быть только жертвой.

Различай. Это и есть работа. Не клеймить всех подряд и не оправдывать всех подряд, а видеть, кто на каком этаже — и спрашивать с каждого ровно по его знанию.

Джед Меду.

ГЛАВА 7. ВЕЧЕРИНКА, С КОТОРОЙ НЕ ВЫХОДЯТ

Раз в несколько лет занавес чуть отъезжает. Не нарочно — машина даёт сбой, и наружу на секунду вываливается то, что обычно намертво закрыто пунктом МОЛЧАНИЕ. Я разберу три таких случая. Один наш, два западных. Разный масштаб, разные этажи — но, на мой взгляд, один и тот же механизм. И, как всегда, я держу границу: где факт, а где наша запись. На этой теме границу надо держать особенно крепко, потому что именно здесь критик ждёт тебя с глубиной.

Случай первый. Громкий скандал со снятием защит на публике.

Факт: декабрь 2023 года, один громкий, всем известный скандал на закрытой московской вечеринке, куда были приглашены многие звёзды современной российской эстрады. Дальше — публичный взрыв и показательная расправа: у организатора и участников посыпались контракты, эфиры, рекламные сделки. Многие из них оказались гонимы — из героев светской хроники в изгой, за считанные дни.

Наша запись. Посмотри на это как на ритуал, а не как на «скандальную вечеринку». Что такое публичное обнажение перед собранными свидетелями? Это ритуальное снятие защит. Человек добровольно, на камеру, в присутствии всех «своих» сбрасывает не только одежду — он сбрасывает слой

защиты Ба, делает себя видимым и уязвимым перед сетью. А дальше — самое показательное. Актив, который снял с себя защиту, демонстративно утилизируют. Использовали для нужного эффекта — и тут же выбросили козлом отпущения, на нём отыграли «общественное очищение». На языке третьей книги это Мут-хезер на уровне корпоративной стратегии: попользовались и слили. Большинство участников там, по нашей разметке из прошлой главы, — Тип второй: пришли «потому что все пришли», не вполне понимая, во что именно их сделали частью.

И вот тут это надо назвать ещё точнее: по сути это инициатический акт. В любой традиции посвящение собрано по одному скелету — кандидата обнажают, лишают прежних знаков и защит, проводят через символическую смерть и беззащитность перед собравшимися свидетелями, и на этом пороге он принимает нового покровителя и встаёт под новую линию. Сравни с посвящением жреца Маат: оно тоже снимает с человека старое — но открывает его Нетеру под защитой, вводит в свет и в служение равновесию. Здесь скелет тот же, только вывернутый наизнанку: обнажают и снимают защиту не для того, чтобы открыть свету, а чтобы открыть Теневым Нетеру. Это инициация наоборот — посвящение не в служение Маат, а в линию Исфет. И публичность тут не блажь и не «эпатаж ради хайпа»: собранные свидетели — это и есть та сеть, в которую тебя в этот миг регистрируют, печать ставится при них и через них. Человек думает, что

«сходил на скандальную вечеринку». А по нашему чертежу он прошёл порог — и встал под чужой штандарт, чаще всего даже не поняв, во что именно его посвятили.

А кто-то понимает — и всё равно идёт, с поднятой головой. Потому что приманка сделана безупречно, и ей даже не нужно прятаться от того, кто сообразил. Она говорит ему ровно то, что он хочет слышать: «тебя приняли в круг сильных мира сего, ты теперь свой среди тех, кому можно всё; ты этого достоин; вы — короли». И это, пожалуй, самый крепкий крючок из всех — крепче страха и крепче денег. Потому что цепляет он не за слабость, а за гордыню, за то самое раздутое «я», которое индустрия годами в человеке выращивала. Руки никому не выкручивают — человеку льстят, и он сам, с благодарностью, ставит подпись. По нашему чертежу это и есть высший пилотаж Исфет: согласие, данное не из-под палки, а из тщеславия, добровольно и радостно. Раб, который принял свою цепь за корону, снимать её не станет — он будет ею хвастаться.

Случай второй. Diddy.

Тот же узор, этажом выше, и уже с уголовным кодексом. И здесь я особенно аккуратен с фактами — пересказываю строго по приговору, без раздувания, потому что раздувание тут убивает доверие быстрее всего.

Факт: Шон Комбс по прозвищу Diddy — один из самых влиятельных людей американской хип-хоп индустрии. Арестован в сентябре 2024-го. На восьминедельном федераль-

ном суде в 2025-м всплыли показания о так называемых «freak-offs» — многосуточных вечеринках с принуждением, наркотиками и секс-работниками. И вот важное, что нужно сказать честно: 2 июля 2025-го присяжные оправдали его по самым тяжким статьям — рэкет и секс-трафик. Виновным признали по двум статьям «мэнновского акта» — перевозка людей для занятия проституцией. В октябре 2025-го — 50 месяцев тюрьмы и штраф полмиллиона долларов.

Я специально привожу вердикт точно, включая оправдания. Потому что если я напишу «его осудили за то, что он годами держал секс-рабов» — мне предъявят протокол суда, и вся глава рассыплется. А если я пишу как есть — «обвинение в рэкете и трафике не устояло в суде, но факт индустриальных вечеринок-механизмов задокументирован показаниями, и человека посадили» — меня не сбить.

Наша запись. Сам формат — «freak-offs», вечеринка как машина — это то же самое, что в первом случае, только это не разовый скандал, а, по описанию в суде, отлаженный механизм. Вечеринка здесь — не отдых. Это инструмент: свести нужных людей, снять с них защиты, зафиксировать. Это тот же ритуал снятия защит, что и в первом случае, поставленный на поток.

Случай третий. Сеть Эпштейна.

Вот тут — максимальная дисциплина, потому что это самый оболганный и самый перевернутый сюжет на планете, в обе стороны.

Факт, и только факт: Джеффри Эпштейн — финансист, осуждённый за преступления против несовершеннолетних, умерший в тюрьме в 2019-м при обстоятельствах, вокруг которых до сих пор спорят. Существуют судебные документы, логи перелётов, списки контактов. И эти контакты — задокументированный факт — пронизывают разом финансы, медиа, политику, науку и монаршие дома. Один человек оказался узлом, в котором сходились люди со всех этажей власти сразу.

Наша запись — и я подчёркиваю, что дальше идёт уже наше чтение, а не протокол. Меня в этой истории интересует не «список» сам по себе — на нём спекулируют все кому не лень. Меня интересует функция узла. Зачем нужен человек, через которого проходят все этажи и который собирает на каждого... материал? Ответ по нашей системе один: это техническое обеспечение пункта МОЛЧАНИЕ.

Вспомни первую книгу. Главный, красными буквами выделенный пункт Договора — молчание. Но как заставить молчать человека, у которого деньги, власть, охрана? Угрозами не заставишь. А вот компроматом — заставишь намертво. Пока на тебя есть, что слить, ты — антенна, которая вещает строго разрешённое и не произносит лишнего никогда. Это не магия. Это поводок. И вот здесь, на этом узле, сшиваются два этажа всей книги: финансовый клан из пятой книги и индустрия образов из этой. Контроль через долг (Ка) и контроль через компромат (Иб) — это одна и та же тех-

нология удержания, просто на разных уровнях. Узел вроде эпштейновского — это место, где обе нити завязываются в один крепкий узел молчания.

И сведём три случая вместе. Тот публичный обряд снятия защит, «freak-offs», сеть компромата — это не три скандала. Это три прорыва занавеса, три редких момента, когда машина показала свою рабочую деталь. Деталь называется: собрать, снять защиту, зафиксировать, держать на поводке. А то, что вылезло наружу и попало в суд, — это, по всей логике, лишь то, что не удалось удержать внутри. Сколько осталось за занавесом — мы не знаем. И честно говорить «не знаем» — это сильнее, чем выдумывать списки.

Личное. Лицо за столом

А теперь я остановлюсь и скажу то, чего обычно автор про чужой скандал говорить не должен. Я с этим лицом встречался не только на экране.

Вернись со мной к тому сну, который я уже описывал в своих ранних записях. Помнишь его? Май 2025-го. Мне снится плотный, грязный сон, после которого я просыпаюсь больным, будто меня ночью пытались переварить. Камерный пир, мало людей, много еды. Мне предлагают Договор: пятнадцать-двадцать пунктов, из которых я запомнил три — «Продажа души», «Подавление воли» и красными большими буквами «МОЛЧАНИЕ». Мой собственный голос, не я, выплёвывает в ответ на «чего ты хочешь?» — «четыре Бентли». Я отказываюсь — внутренне, решением. Маски свали-

ваются, начинается принудительный захват, меня пытаются запереть в купол, и моя Ба мечется внутри, как птица, на которую накинута мешок. Я вырываюсь. Просыпаюсь.

Так вот. За тем столом было знакомое лицо — из тех, что примелькались на экране и кажутся почти родными. Кто именно мелькнул этой маской, я намеренно оставляю за скобками: важно не имя, а функция. Я тогда так и записал — дословно: «удобное лицо для снижения бдительности», «это был костюм, „родители“ — настоящие переговорщики». То есть моё Ба прочитало это лицо не как случайного гостя, а как интерфейс — дружелюбную знакомую маску, выставленную вперёд, чтобы я расслабился, пока сзади ждут те, кто реально даёт и берёт.

Тогда я остановился на слове «костюм» и пошёл дальше. А сейчас, разобрав публичные ритуалы снятия защит в этой главе, я возвращаюсь к тому столу с новым вопросом. А был ли костюм пустым?

И вот моя запись, и я честно помечаю, что это именно запись, а не протокол: по логике нашей системы — логике ботнета из девятой главы — заражённый узел не простаивает, его используют, чтобы через него подходить к новым. Контрактник становится антенной-релеем. И если читать так, то знакомое медийное лицо за тем столом — не случайный аватар из телевизора, а узел сети, через который операторы вышли на меня. Маска была живой и подключённой.

И тут же — честная вторая половина, без неё нельзя. Я

не знаю этого наверняка, и вот почему. Во-первых, что за этой маской реально кто-то что-то подписывал — это наша интерпретация, догадка на догадке, а не доказанный факт; и я говорю об этом прямо. Во-вторых, есть равно возможное простое объяснение: Дуат и операторы часто лепят интерфейс из того, что уже лежит у тебя в голове, — и это лицо могло быть просто символом «шоу-бизнес как дружелюбный фронт системы», выдернутым из моей же памяти, а не чьим-то личным Ба на проводе. Различить эти два варианта во сне почти невозможно, и я не буду делать вид, что могу.

Но вот что я знаю точно и зачем вообще это рассказываю. Я разбираю в этой главе не абстрактных «звёзд на скандалах». Я разбираю механизм, в который однажды меня самого пытались встроить — с тем же пунктом МОЛЧАНИЕ красными буквами, с той же попыткой купола, что я описываю про артистов. И лицо, которое мне для этого показали, было из той самой индустрии дружелюбных медийных масок, что я разбираю в этой главе. Случайный символ это или узел сети — суди сам. Я лишь рассказываю, что видел, и говорю: я там был.

Джед Меду.

ГЛАВА 8. ОТКУДА РАСТУТ НОГИ

Любой айтишник, разбирая зловред, первым делом лезет в историю коммитов: кто написал, когда задеплоил, что добавила каждая версия. Потому что у работающей вредоносной системы всегда есть родословная — её писали годами, слой за слоем, и каждый автор оставил подпись. Индустрия образов с неба готовой не упала. У неё есть история коммитов, и я проведу тебя по ней по порядку — не четырьмя разрозненными «интересными фактами», как любят в роликах, а одной линией, потому что это одна линия. Сквозь все версии тянется один закон, открытый однажды и с тех пор только дошлифовываемый: кто управляет картинкой в головах — управляет людьми. Дисциплина прежняя: где факт из учебников и рассекреченных бумаг, а где наша запись.

v1.0 — 1917—1929. Закон открыли и записали

Началось не в Голливуде, а на войне. Факт: в 1917-м президент Вильсон создал Комитет общественной информации (Creel Committee) — первую в истории США промышленную машину госпропаганды. Фильмы, плакаты, армия «четырёхминутчиков», которые по всей стране в кинозалах заводили толпу за войну. Глава комитета Джордж Крил без те-

ни смущения назвал свои мемуары «Как мы рекламировали Америку». Вдумайся в заголовок: страну продавали, как стиральный порошок, и этим гордились.

А дальше двое умных людей сели и записали, как это работает. Уолтер Липпман в книге «Public Opinion» (1922) ввёл оборот «manufacture of consent» — производство согласия — и описал главное: между человеком и реальностью стоит «псевдосреда», картинки в голове, и кто рисует эти картинки, тот и правит. А племянник Зигмунда Фрейда, Эдвард Бернейс, в книге «Пропаганда» (1928) сказал это уже без обиняков: «Сознательная и умелая манипуляция организованными привычками и мнениями масс — важный элемент демократического общества. Те, кто управляет этим невидимым механизмом, образуют невидимое правительство — подлинную правящую силу страны». Свою науку он назвал «инженерией согласия».

И тут же доказал её делом. Факт: в 1929-м Бернейс взялся приучить женщин курить — тогда это было табу. Он вывел девушек на пасхальный парад в Нью-Йорке с сигаретами, обозвав их «факелами свободы», и подал курение как акт женской эмансипации. Женский рынок табака удвоился за десятилетие. Запомни этот приём — он сквозной для всей книги: Бернейс не уговаривал. Он привязал товар к символу (свобода) и впечатал в обход разума.

Наша запись. Вот он, корневой коммит, момент деплоя. То, что мы зовём Хекой на стадионе (Глава 3) и модифика-

цией Иб (книга 4), в 1920-х открыли, проверили на живых и записали в учебник — корпоративным языком, без всякой эзотерики. Привязать образ к глубинному желанию и проскочить мимо весов Иб — это и есть «факелы свободы». А хозяев механизма Бернейс назвал сам: «невидимое правительство». Это наши архитекторы из Главы 6, поименованные собственной рукой за сто лет до нас.

v1.1 — 1933. Тёмный форк

Код открыли — и его форкнули в худшую сторону. Факт, и излагаю его строго так, как он задокументирован: по собственной автобиографии Бернейса («Biography of an Idea», 1965) ему сообщили, что в 1933-м Геббельс использовал его раннюю книгу «Crystallizing Public Opinion» как основу нацистской кампании против евреев. Реакция самого Бернейса: «Это потрясло меня, но я знал, что любую человеческую деятельность можно использовать во благо или во зло». Источник тут — слова самого Бернейса, и подаю я их именно как его свидетельство, не более.

Наша запись. Тот же инструмент, наведённый на чистый Исфет в масштабе государства. Это доказывает две вещи разом. Первая: метод нейтрален, а вот кто держит рукоять — выбирает Маат или Исфет и отвечает за выбор (ровно наша рамка из Главы 6). Вторая, и от неё холодок: верхушка увидела, как страшно хорошо это работает на целом народе.

Урок усвоен — эстафета передана дальше.

v2.0 — 1930—40-е. Машину захватывают деньги

Пока шлифовали метод, кто-то прибирал к рукам трубу, по которой его погонят. Факт: Голливуд с рождения сшит с оргпреступностью. Чикагский синдикат через профсоюз киношников IATSE годами вымогал у студий деньги — то самое «голливудское дело о вымогательстве» 1941 года, по которому реально сели люди. Майер Лански и Багси Сигел строили Лас-Вегас — машину развлечений и денег в одном флаконе. Это не теория, это приговоры и учебники.

Наша запись. Сложи с предыдущей версией — и увидишь, как сходятся два потока. Есть метод (инженерия согласия) — и появляется машина (студийная система), и машину эту с первого дня держат хищные деньги. Значит, Голливуд — не «искусство, куда потом пролезли бандиты», а наоборот: машина денег и влияния, к которой искусство пристроили витриной. Теперь у верхушки на руках и метод, и труба. И они задали следующий вопрос: а можно ли пойти глубже убеждения — не рисовать картинку в голове, а перебрать саму голову?

v3.0 — 1950—70-е. От убеждения к перепрошивке

Можно, решили они, и попробовали. Тут я особенно строг, потому что это любимое место, где серьёзный разговор топят в фольге. Факт, рассекреченный, подтверждённый Конгрессом: ЦРУ с пятидесятых по семидесятые вело программу MKULTRA — ЛСД на ничего не подозревающих людях, гипноз, депривация, пытки. Вскрыла её комиссия Чёрча в 1975-м; часть бумаг уничтожили заранее, но и остатка хватило на публичные слушания. Это было. С живыми людьми. На деньги налогоплательщиков. И глобальный мостик, тоже факт: после войны США вывезли к себе нацистских учёных (операция «Скрепка», Paperclip). Прямую линию «Paperclip → MKULTRA» историки проводят лишь частично, и я на ней ничего не строю — но сам переезд интересов и людей из тёмного форка v1.1 в американские лаборатории стоит держать в уме.

А вот граница. Дальше идёт «Монарх» — якобы программа создания управляемых через травму личностей. Так вот: «Монарх» официально не задокументирован. Это нарост поверх реального ядра, и на нём я ничего не строю. Мне хватает доказанного MKULTRA, потому что он сам по себе означает простую страшную вещь: государство всерьёз, на бюджете, обрабатывало модификацию Иб на живых людях. Четыре

шага перенастройки из четвёртой книги — не наша метафора, а то, что реально пытались поставить на поток. Эстафета: теперь у верхушки метод, машина — и амбиция перешивать сам ум.

v4.0 — 1947 и далее. Провода между сценой и троном

Финальная версия — когда всё это оформили в постоянную мебель. Факт: связь индустрии с государством давно не подполье, а офисы с табличками. У Пентагона есть киноподразделение: студия получает технику, базы, консультантов — в обмен на согласование сценария («Тор Гун» — хрестоматия). У ЦРУ с 1996-го свой офицер связи с Голливудом. А ещё раньше, по докладу комиссии Чёрча и расследованию Карла Бернстайна (1977), у ЦРУ были рабочие отношения с сотнями журналистов — за этим закрепилось имя «Операция Пересмешник» (само кодовое название истории оспаривают, но отношения задокументированы).

Наша запись. Круг замкнулся ровно там, где открылся. Временный военный офис Крила 1917 года, который заводили «на время войны», превратился в постоянную мебель власти — десятки кабинетов, сросшихся с машиной истории. В пятой книге (глава 16-Б) я писал, что контроль смысла — отдельный рычаг власти; здесь видно, как он реализован технически: прямыми институциональными проводами

между теми, кто правит, и теми, кто рассказывает истории. Нарратив — не побочный продукт культуры. Это функция власти, оформленная штатным расписанием.

root — слой, из-под которого запускаются все версии.

И остаётся то, что работает не как версия, а как корневой процесс под всеми ними. Факт, и только факт: существует закрытый мужской клуб американской верхушки — Bohemian Club, и его лесной лагерь Bohemian Grove в Калифорнии, куда каждое лето на две недели съезжается цвет власти и денег. Кто там бывал — задокументировано в прессе и в государственных архивах: президенты Гувер, Никсон, Рейган, оба Буша, министры, директора ЦРУ, главы корпораций из списка Fortune 500. Никсон поминал Grove на уотергейтских плёнках, которые лежат в Национальном архиве, — то есть его присутствие подтверждено его же словами. Женщин туда не пускают (это даже разбиралось в суде), прессу тоже. И открывает сбор обряд под названием «Cremation of Care» — «Кремация Заботы»: с 1929 года, у лесного озера, перед сорокафутовой бетонной совой, фигуры в тёмных балахонах сжигают чучело, изображающее «Dull Care» — тяготы и тревоги, по сути голос обыденной совести. Это сняли на видео (утекло в 2000-м), и клуб особо не отрицает ни совы, ни обряда.

И сразу — честная граница, чтобы я сам не сполз в ту фольгу, которую ругаю всю главу. Вокруг этого обряда накручено море конспирологии: про Молоха, про челове-

ские жертвы. Так вот — эти версии не доказаны, серьёзные историки их отмечают, и я на них не строю ровным счётом ничего. Мне не нужны выдуманные жертвоприношения. Мне хватает того, что задокументировано и что клуб даже не прячет: люди, держащие реальные рычаги планеты, раз в год собираются отдельно — без женщин, без прессы — и открывают сбор символическим обрядом ритуального сжигания Заботы. Значение я не выдумываю, оно записано в самом сценарии: сбросить «Care». И единственный вопрос, который я задаю, прост: зачем людям такого уровня вообще обряд? Контракт можно подписать в переговорной.

И это не американская причуда последнего века. У европейской верхушки обрядовый этаж куда старше калифорнийской рощи. Это та самая «книжная» магия — гримуары и церемониальная магия, которые держали в руках именно грамотные, — продолженная затем в закрытых ложах и клубах. Ещё в XVIII веке английская знать собиралась в «Клубе адского пламени» (Hellfire Club) на пародийно-кошунственные обряды; это задокументированная история, а не легенда. Линия одна и тянется по обе стороны Атлантики: у тех, кто наверху, всегда был свой, закрытый обрядовый контур — отдельный от того, что показывают толпе. В пятой книге я вёл эту нить через жречество, масонов и кланы; здесь она просто выходит на поверхность — в виде совы над лесным озером.

Наша запись. Вот зеркало, ради которого вся глава. Мас-

сам — медиаритуал на стадионе (Глава 3). Элите — свой ритуал в роще, закрытый, для себя. Один и тот же язык образов, два контура: один вещает вниз на миллиарды, другой работает внутри, среди держащих рычаги. Значит, образный язык для них — не развлечение и не чудачество, а рабочий обряд. И это и есть жрецы из Главы 6: слой, который не «делает PR», а сознательно держит ритуальный контур и служит Теневым Нетеру. Здесь смыкается с пятой книгой — с линией Жречества, масонов и кланов: преемственность жреческой касты через века. Все четыре версии — метод, машина, перепрошивка, провода — это инструменты. А рука на инструментах — вот этот root-слой.

И вот тут надо договорить то, что обычно проглатывают, — иначе «преемственность жреческой касты через века» звучит как красивая фигура речи. Это не фигура речи. Служение Теневым Нетеру не проходит для служащего бесследно: он год за годом, дело за делом всё плотнее настраивается на принципы Исфет, вырастает в них, твердеет. Дело даже не в том, что он «умнеет» или набирается опыта. Идёт кристаллизация — сборка личности под одну тёмную ось, шлифовка себя в инструмент. А такая кристаллизация в одну жизнь не укладывается. Семидесяти-восемидесяти лет на это мало — как мало одной жизни жрецу Маат, чтобы пройти весь путь Уаб и Сем до конца. И вот это, по нашей записи, косвенно, но упрямо указывает на одно: у тёмного жречества есть технология возвращения. Не «душа вообще когда-нибудь пере-

родится», а прицельно — обратно в ту же линию, в ту же семью, в те же кланы. В те самые финансовые династии из первой главы и из пятой книги.

Подробно механику такого возвращения мы разбирали в прошлых книгах, не буду повторять весь чертёж. Скажу главное следствие, от которого холодеет: это и есть обход Весов. По Маат смерть — это сверка. Сердце-Иб кладут на весы против пера истины, дела взвешивают, и счёт закрывается — каждый отвечает по правде и идёт дальше. Технология возвращения в свою линию — это способ счёт не закрывать. Проскользнуть мимо взвешивания, не быть разобранным на пороге, сохранить накопленную тёмную кристаллизацию и власть — и собрать их заново в новом теле той же крови. По сути это читерский «сейв»: умер — и загрузился в наследника, минуя экран суда.

И вот что важно: это не фантазия на пустом месте. Сам приём древний, и корни его видны прямо в Египте — только там, как и всё, он жил в двух руслах, светлом и тёмном. Привожу факты, а не догадки.

Факт первый, самый говорящий, — заклинание сердца. В «Книге Мёртвых» есть отдельное речение (глава 30В), которое выписывали на амулете-скарабее и клали умершему прямо на сердце. Текст — прямое обращение к собственному сердцу: «о сердце моё... не вставай против меня свидетелем, не противоречь мне на суде, не склоняй чашу весов против меня перед хранителем весов». Вдумайся, что это такое: ма-

гический прибор, единственное назначение которого — заставить твоё же сердце молчать на Весах, чтобы оно не выдавало правду о делах. Это и есть, чёрным по белому, задокументированная технология обхода взвешивания. Не «жил праведно — прошёл суд», а «надел на сердце глушилку — и проскочил». Тот самый пункт МОЛЧАНИЕ из моего сна, только поставленный на собственное сердце за порогом смерти.

Факт второй — «повторение рождений». В египетском языке было устойчивое выражение «ухем месут», буквально «повторение рождений»; им обозначали обновление, второе пришествие, начало нового цикла, и его брали себе как тронное имя и даже как название целой эпохи. Идея возвращения и нового рождения в той же сакральной линии была для египтян не экзотикой, а рабочим понятием — особенно для царя, чья Ка передавалась по роду, и каждый новый правитель «повторял» собой бога.

Факт третий — наследственность самого жречества. Это даже не эзотерика, это сухая история: жреческие должности и тайные знания в Египте держались в семьях и передавались от отца к сыну десятками поколений. Сохранились родословные списки, где одна священническая линия прослеживается на шестьдесят с лишним поколений подряд. Каста буквально воспроизводила себя по крови, не выпуская знание наружу.

И факт четвёртый, взгляд со стороны: ещё Геродот писал (Книга II, 123), что именно египтяне первыми учили о бес-

смерти души и её переходе через тела. Тут честно помечу — учёные спорят, насколько точно грек передал египетскую веру, а не приписал ей пифагорейское; за что купил, за то продаю. Но сам факт, что древнейшая традиция возвращения души связывалась именно с Египтом, лежит на поверхности.

Наша запись. Сведи это вместе. Каста, которая воспроизводит себя по крови и бережёт знание внутри рода. Понятие возвращения и «повторения рождений» в той же линии. И прямой магический инструмент, чтобы пройти суд, не отвечая по делам. Светлой рукой всё это — путь обновления и непрерывности служения, передача чистого огня по роду. А тёмной рукой — это и есть та самая технология: не дать счёту закрыться, перенести накопленную власть и кристаллизованный Исфет в новое тело той же династии, век за веком, мимо Весов. Вот почему «семьи» и «кланы» в этой книге — не просто метафора богатства, передаваемого по наследству. Похоже, по наследству идёт кое-что куда плотнее денег. И вот почему root-слой так устойчив сквозь века: его, судя по всему, и не нужно каждый раз набирать заново.

Итог. Машина не «эволюционировала случайно». Один закон, открытый и записанный в 1920-х (v1.0). Тёмный форк на государстве в 33-м (v1.1). Сросшийся с захваченной хищными деньгами машиной в 40-х (v2.0). Углублённый до перепрошивки мозга в 50—70-х (v3.0). Оформленный в постоянные институты к нашему дню (v4.0). И всё это — под ру-

кой жреческого root-слоя, для которого образ есть обряд на обоих этажах. Вот происхождение кода, по коммитам, одной линией. Теперь посмотрим, как он исполняется в работе, — соберём двигатель целиком.

Джед Меду.

ГЛАВА 9. ДВИГАТЕЛЬ. КАК ЭТО РАБОТАЕТ НА САМОМ ДЕЛЕ

Это теоретическое сердце книги. Здесь я соберу всё предыдущее в один механизм и покажу двигатель целиком. Если предыдущие главы — это «что показывают» и «кто за этим стоит», то эта — «зачем, на каком топливе и куда крутится маховик».

Начнём с тезиса, ради которого вообще написана вся книга:

Масскультура — это конвейер по производству Рен и образов для Теневых Нетеру.

Распакую. В пятой книге я вывел таблицу Теневых Нетеру — паразитов, которые, накопив силы, начинают работать как анти-принципы. Не боги, но по масштабу воздействия — как боги. Я тогда приложил эту таблицу к финансовой системе и показал совпадение один в один. Теперь прикладываю ту же таблицу к индустрии образов. И снова — совпадение один в один. Это и есть доказательство, что перед нами не два разных явления, а один двигатель с двумя цехами.

Смотри, как ложится — беру таблицу из пятой книги дословно и подставляю контент из четвёртой и пятой глав этой: — Теневой Ра (стагнация, ложный свет): бесконечная лента, реалити, апокалипсис без рассвета, live-service игра без финала. Внимание утекает в слепящий прожектор, который

не освещает, а ослепляет.

— Теневой Осирис (смерть без обновления, вечное зависание): культ нежити, зомби, вампиров. Реклама застревания между мирами.

— Теневая Исида (контроль через «заботу»): «мы заботимся о твоём комфорте», «персонализированная лента для тебя» — привязка под видом сервиса.

— Теневой Сет (разрушение без цели, хаос ради хаоса): шутер как тренажёр убийства, открытый мир преступления, эстетизация насилия.

— Теневая Маат (паразитизм, берёшь не даёшь): кабальный контракт, капитализированный Рен артиста, культ «богатство равно статус».

— Теневая Хатхор (зависимость, дофаминовая петля): лутбоксы, гача, сексуализация, «потребляй ещё».

— Теневой Тот (ложь, знание для контроля): упрощённый, обеднённый текст песен; новости-страх; пропаганда вместо понимания.

— Теневой Анубис (ложный проводник, стирание границ): антигерой и моральная серость — стирание границы между Маат и Исфет, между правдой и ложью.

— Теневой Птах (пустое слово, форма без содержания): бесконечный сиквел, ремейк, перепев — производство без творения.

— Теневой Геб (ложная стабильность): иллюзия «вечного нормального мира», в котором ничего менять не надо, спи

спокойно.

Видишь? Каждый жанр, каждая механика, каждый сюжет из этой книги садится ровно в свою клетку таблицы. Это не случайный набор «плохого контента». Это полная распределённая нагрузка — на все десять анти-принципов сразу. Кто-то проектировал так, чтобы закрыть все каналы.

Теперь — про топливо. Откуда берётся энергия и куда уходит?

Вернёмся к четвёртой книге, к Хеке и квантовому наблюдателю. Один наблюдатель схлопывает волну вероятностей локально. Миллиард синхронных наблюдателей, которым показывают один образ, схлопывают коллективный Нун — общее поле потенциального — по этому образу. А теперь представь не один вечер на стадионе, а постоянный, круглосуточный поток: миллиарды людей ежедневно, годами, закачивают в общий Нун строго определённый набор состояний — тревогу, потребление, разобщение, бессилие, серость. Это и есть топливо. Внимание и эмоция миллиардов — это Сехем, жизненная энергия, и её направляют по заранее проложенным каналам Теневых Нетеру.

И вот ключевой, самый тяжёлый вывод. Когда коллективный Нун достаточно насыщен одним паттерном — он начинает сам схлопывать реальность по этому паттерну. Это Хека Исфет в масштабе планеты. Мир, в котором миллиарды

каждый день репетируют тревогу, разобщение и конец света, — постепенно становится таким миром не по чьему-то приказу, а потому что коллективное поле его таким называет. Реальность подтягивается за образом. Это не мистика — это та же механика наблюдателя из четвёртой книги, только помноженная на охват рупора из первой.

И тут вспомни самую первую книгу — то, с чего вообще всё началось. Я там показывал на одном человеке, на тебе: твоё энергетическое тело не висит в пустоте, его постоянно настраивают частоты вокруг — что смотришь, что слушаешь, какие новости, какое окружение, какая работа, какие события дня. Всё это — не «фон». Это входящий сигнал, который держит твою энергетику на том или ином уровне шкалы: качественное поднимает, мусорное опускает. Куда направил внимание — туда и сместился. Это была личная механика, для одного приёмника.

А теперь просто умножь её на восемь миллиардов — и получишь ровно то, о чём эта глава. Что для одного человека частоты окружения, то для человечества — общий медиапоток. Та же настройка, только теперь настраивают не одну антенну, а всё поле разом, и одними и теми же частотами. И вывод из первой книги звучит здесь уже не про личную гигиену, а про судьбу вида: каков входящий сигнал — таков и уровень, на котором стоит вся цивилизация. Поэтому, потребляя то, что льют, человечество не просто «развлекается» — оно коллективным вниманием выбирает реальность.

Каждый просмотр, каждый репост, каждое «поболеть и поужасаться» — это голос, поданный за один из возможных миров в Нуне. Машина не навязывает реальность силой. Она кладёт перед тобой меню из тревоги, розни и конца света — а схлопываешь это в явь ты сам, своим же вниманием, и думаешь, что просто скоротал вечер. В первой книге я сказал: выбор всегда был за тобой, просто тебе об этом не говорили. Здесь то же самое, на уровне планеты: выбор реальности всегда был за человечеством — и в этом разом и весь ужас, и вся надежда. Что выберем смотреть — тем мир и станет.

И последнее — про артиста как деталь двигателя. Я говорил в шестой главе: «самые успешные» по метрикам — нередко те, кто полнее сдал волю. Теперь это видно в полной картине. Артист — это рабочая антенна двигателя. Чем чище антенна передаёт сигнал — тем выше её «успех» по метрике, которую задаёт владелец рупора. Система не награждает лучший голос или глубочайший смысл. Система награждает наименьшее сопротивление сигналу. Поэтому наверх всплывает не то, что будит, а то, что усыпляет и закачивает. Это не сбой системы. Это её проектная цель.

Вот и весь двигатель. Топливо — внимание миллиардов. Каналы — десять Теневых Нетеру. Насосы — рупор и алгоритм. Антенны — артисты. Продукт — насыщенный Исфетом коллективный Нун, который сам тянет реальность вниз. И, как и в пятой книге, понимание двигателя — это первый поворот ключа в обратную сторону. Потому что насос рабо-

тает, только пока никто не назвал его насосом.

Джед Меду.

ГЛАВА 10. ДЕТСКИЙ КОНВЕЙЕР

В главе про игры я сказал: страшнее всего то, что лепит Иб с нуля, потому что у ребёнка он ещё только формируется. Так вот, есть дверь, которая открывается ещё раньше игр. Раньше всего. Детский контент. И это самая тяжёлая глава в книге — предупреждаю сразу, потому что тут не получится спрятаться за иронию.

Логика простая и оттого жуткая. Взрослый приходит к экрану с уже собранным, пусть и потрёпанным, Иб — у него есть фильтры, есть с чем сравнить, есть хоть какое-то различие. Ребёнок приходит пустым. У него нет фильтров — он их как раз сейчас строит, и строит из того, что ему показывают. Это не зритель. Это глина. И тот, кто держит детский рулор, держит руки в этой глине в самый пластичный момент.

Прежде чем спускаться в самый тёмный угол этой главы, покажу конвейер на свету — тот, что работает с каждым ребёнком, без всякого криминала, у всех на витрине. Это лесенка франшиз. И выстроена она с инженерной точностью — по возрасту, ступенька к ступеньке.

Смотри, как разложены ступени. Года в три-четыре малышу включают что-то совсем мягкое — например, «Супер Крылья»: самолётик Джетт развозит по миру посылки и трансформируется, всё доброе, спасательное, ни капли крови. Подросток — следующая ступень: «Хелло Карбот», «Тобо-

ты» — корейские машинки-роботы (факт: «Карбот» делает студия Choigrock, возраст на коробке — от трёх лет), где уже есть злодеи, схватки и превращение «машина → боевой робот». Ещё старше — коллекционные battle-франшизы вроде «Турнинг Мекард» (та же студия), где роботов призывают карточками и срамливают в боях, а карточки надо докупать. А на вершине лестницы ждут «Трансформеры» — война фракций, взрывы, и в кино уже взрослый рейтинг с Майклом Бэем. От доброго самолётника к войне роботов — плавно, за несколько лет, ступенька за ступенькой.

И вот факт, снимающий с этой картинки всякую невинность. «Трансформеры» родились в 1984 году не как мультфильм, а как игрушечная линейка Hasbro (перелицованные японские роботы Takara). Мультсериал и комикс придумали следом — как рекламу этих игрушек, а самую вражду «автоботы против десептиконов» дописал маркетинговый отдел Hasbro, чтобы лучше продавалось. И это не причуда одной компании, а прямое следствие решения сверху: в том же 1984-м Комиссия по связи США под началом рейгановского назначенца Марка Фаулера отменила запрет на «программы-рекламы». После этого детское ТВ залило волной мультфильмов-витрин — за один год число мультв с лицензированными персонажами выросло примерно на 300%. He-Man, G.I. Joe, «Трансформеры» — это, по сути, двадцатидвухминутные рекламные ролики игрушек. Так решили на уровне госрегулятора: ребёнок — не зритель под защитой, а рынок.

Наша запись. Это в точности тренажёр из пятой главы — только разложенный не по уровням одной игры, а по годам жизни. Каждая франшиза — обучающий уровень, готовящий антенну к следующему, потяжелее. И учат на этом конвейере трём вещам. Первое — рефлексу потребления: любишь героя → проси игрушку; любовь переплавляют в покупку, и вшивают это до того, как у ребёнка появилось различие, — он же ещё глина. Второе — наращиванию дозы: интенсивность растёт ступенями, от спасателя-самолётника к войне роботов, и нервная система привыкает, что нормальный уровень возбуждения — всё выше. Это Теневая Хатхор (дофаминовая лесенка) под руку с Теневым Сетом — война, поданная как норма и развлечение, маленькими безопасными порциями, начиная с трёх лет. Третье — бренд вместо самости: ребёнок собирает себя из логотипов, а не из своего Ба.

И ещё одну деталь отмечу — честно, как нашу запись, не как факт. Сам мотив этих франшиз — трансформация: «я машинка — нет, я робот — нет, я оружие, у меня нет постоянной формы». Я не утверждаю, что это чей-то сознательный замысел. Но по нашей системе Рен — это устойчивое имя-суть, стержень существа. А игрушка, весь смысл которой в том, что формы нет, что сущность переключается одним щелчком, — тихо приучает: устойчивого «себя» не существует, всё сменно. Семечко, посаженное в три года. Прорастет ли — зависит от рода рядом. Но семечко посеяно.

Это конвейер на свету — легальный, гладкий, у всех на виду. А работает он на том же сырье, что и конвейер в тени: на несформированном, беззащитном Иб. И вот теперь — про тень.

Факт, задокументированный, свежий, не из подвала конспирологии, а из расследования на большом канале. В 2024 году вышел документальный сериал «Quiet on Set: The Dark Side of Kids TV» — про то, что творилось за кулисами Nickelodeon в девяностые и нулевые, в эпоху продюсера Дэна Шнайдера, который слепил почти все хиты канала (All That, «Дрейк и Джош», iCarly, «Виктория-победительница» и другие). Сериал документирует токсичную среду, унижения, сексуализированные сцены с участием детей-актёров. Сам Шнайдер в насилии не обвинялся и под суд не шёл — его уволили в 2018-м после внутренних разбирательств о поведении, и это я говорю точно, чтобы не приписать человеку того, чего суд не устанавливал.

А вот где уже приговор, а не «атмосфера». На тех же площадках работал тренер по дикции Брайан Пек. В 2004-м его осудили за сексуальное насилие над несовершеннолетним — он получил срок и встал на учёт как сексуальный преступник. Спустя двадцать лет звезда «Дрейка и Джоша» Дрейк Белл публично назвал себя той самой жертвой: ему было около пятнадцати. И там же всплыло, что не один Пек — другой сотрудник тех же шоу тоже пошёл под суд за преступления против детей. Это факт. Протоколы, приговоры, учёт.

А теперь смотри, какую деталь я не могу пройти мимо, потому что она ложится в нашу систему как ключ в замок. И чтобы она сработала, надо сперва объяснить, кого именно убрали и что это значило на деле, — иначе слова «убрал отца» проскользнут мимо.

В ту пору отец Дрейка, Джо Белл, был при сыне его менеджером — то есть не просто «папа дома», а человек, через которого шла вся карьера мальчика-актёра. Менеджер ребёнка в индустрии — это и есть его рабочая защита рода, поставленная на ежедневную вахту: он возит на съёмки и пробы, сидит на площадке, читает и подписывает контракты, решает, к кому ребёнка подпускать, а к кому нет, и кто из взрослых рядом — лишний. На нашем языке это буквально страж канала Ка: родовой человек, стоящий между ребёнком и чужими, и фильтрующий, кому к нему доступ. Пока он на посту, в обход него к ребёнку не подойти.

И вот, по рассказу самого Белла в том фильме, отец как раз и почувствовал неладное — что-то в близости Пека к сыну его насторожило, и он эту тревогу высказал. А дальше — ровно тот ход, мимо которого я не могу пройти. Пек не полез напролом через стража: он добился, чтобы стража убрали. Мальчика — талантливого ребёнка, для которого карьера была всем, — убедили, что отец «мешает», «тормозит», «не тянет уровень», и отца сместили с роли менеджера. А освободившееся место рядом занял сам Пек: стал возить на работу, плотно вошёл в жизнь, оставлял ночевать у себя.

Пост стража опустел — и его занял хищник.

Узнаёшь? Это же дословно механика купола из первой книги и из шестой главы этой: первый шаг — отрезать жертву от рода. Убрать отца — значит снять с поста того единственного, кто стоял на канале Ка и фильтровал доступ. Разорвать родовую защиту. Стать единственным взрослым рядом. И только потом, когда страж смещён и остался один открытый канал — на хищника, — начинается всё остальное. Это не случайный ход растлителя и не «так вышло». Это тот же протокол изоляции, что работает на всех этажах книги: и с артистом, которого выдёргивают из родной среды (Глава 6), и со страной, которую сажают на долг, — сначала отрежь от своих, лиши опоры и второго мнения, останься единственным голосом рядом, и только потом — владей.

И вот наша запись поверх задокументированных фактов. Детская индустрия — это не «жаль, что туда иногда пролезают плохие люди». Это место, куда хищник идёт целенаправленно, потому что там — несформированный Иб и снятая родом защита. Там глина. Там антенну можно не ломать — её можно сразу собрать неправильно, с рождения. Ребёнок, чья норма с пяти лет настроена индустрией, не станет потом «сломанной антенной» — ему и ломаться не придётся, он таким соберётся. Это самый эффективный цех всего завода, потому что работает с деталью до того, как у неё появилась защита.

И отдельно — про сексуализацию, без смакования, по су-

ти. Когда в детский контент протаскивают взрослые подтексты, двусмысленные сцены, ранние «взрослые» темы — это не «современность» и не «открытость». На языке нашей системы это преждевременное вскрытие Сехем — запуск того, что должно созреть в свой срок и под защитой рода, на годы раньше и в чужих руках. Это калечит не мораль. Это калечит саму настройку антенны на уровне, к которому ребёнок ещё не должен иметь доступа.

Я не буду давать тут «практических советов» — это не та глава. Я дам одно: имя механизма. Если в следующий раз кто-то скажет тебе «да это же просто детское шоу, не накручивай» — вспомни Брайана Пека, который начал с того, что убрал отца. Сначала режут связь с родом. Всё остальное — потом. И зная это, родитель смотрит на детский экран уже другими глазами. А это и есть наша работа — вернуть зрение там, где его усыпили.

Джед Меду.

ГЛАВА 11. КЛЕЙМО И «COLLATERAL»

Иногда реальность сама пишет иллюстрацию к твоей книге — так точно, что страшно. Я долго не верил, что бывает кейс, где сходятся разом все элементы, которые я разбираю по отдельности: деньги клана, Голливуд, захват имени, давление воли, пункт МОЛЧАНИЕ — и всё это не метафорически, а буквально, с приговорами суда. Такой кейс есть. Он называется NXIVM. И почти всё, что я скажу, — это факт, установленный федеральным судом, а не наша интерпретация.

Сначала — что это вообще такое, иначе дальше будет непонятно. NXIVM (произносится «никс-иум») — это организация, которую в 1998 году основал в окрестностях Олбани, штат Нью-Йорк, человек по имени Кит Раньере. Снаружи она выглядела безупречно респектабельно: компания, продающая «тренинги личностного роста» и «программы успеха для руководителей» — пятидневные курсы, семинары, коучинг. За двадцать лет через эти курсы прошли тысячи людей по всей Америке и Мексике, многие — за серьёзные деньги. Устроено это было как пирамида в стиле сетевого маркетинга: чтобы подниматься по уровням (их метили цветными поясами, как в карате), ты платил за всё новые ступени и приводил новых людей. На вершине сто-

ял сам Раньере, которому последователи дали титул «Вэнгард» (Vanguard, «вожак»), и его правая рука Нэнси Зальцман. Сторонним людям это казалось просто модной школой саморазвития с харизматичным гуру.

А внутри, под этой витриной, в 2015 году выросло то, ради чего я и привожу этот случай, — тайное общество, куда входили только женщины, под названием DOS (на латыни его раскручивали как «Dominus Obsequious Sororium», условно — «господин послушных женщин»). Это была уже не «школа», а пирамида подчинения «госпожа — рабыня», где на самом верху всех линий стоял всё тот же Раньере. И всё, что я опишу дальше, — компромат как взнос, клеймо, script «я сама прошу» — это про DOS. Развалилось всё в 2017—2018 годах: бывшие участницы заговорили, вышло расследование New York Times, Раньере арестовали в Мексике, и в 2019-м федеральный суд признал его виновным. Так что дальше я опираюсь не на слухи, а на материалы этого процесса. Теперь — по элементам.

Начнём с денег. Главным спонсором этой структуры была Клэр Бронфман — наследница алкогольной династии Seagram. То есть деньги клана, ровно того типа, что я разбираю в пятой книге. Эти деньги питали организацию Кита Раньере, которая снаружи выглядела как «тренинги личностного роста». А внутри неё пряталось тайное общество под названием DOS — аббревиатура, которую на латыни раскручивают как «господин послушных женщин». Структура

«господа и рабыни». Пирамида подчинения, на вершине которой — Раньере.

Теперь — как туда втягивали, и слушай внимательно, потому что это дословно пункт из моего сна. Чтобы вступить, женщина должна была сдать «collateral» — залог. Что входило в залог? Компромат на саму себя: обнажённые фото, видео, признания, письма с ложными обвинениями против собственной семьи и друзей. Материал, который при сливе уничтожит тебе жизнь. Сдала — и ты на крючке навсегда. Попробуешь уйти или сказать лишнее — всё это публикуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.